АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

VII

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Академии Наук

Ж-10463
Пров-ка 1966-67

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

5853

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

VII

№175

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1949

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Г. ЛЕВИН (ответственный редактор), *П. И. КУШНЕР*, *Л. П. ПОТАПОВ*, *Г. Г. СТРАТАНОВИЧ* и *В. И. ЧИЧЕРОВ*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» включает в основном материалы сессии Института этнографии, посвященной вопросам изучения современного положения народов колониальных и зависимых стран. Сессия происходила 2—4 февраля 1949 г. в Ленинграде; в ее работе, помимо сотрудников Института этнографии, приняли участие научные работники других институтов Академии Наук СССР (Института востоковедения, Института языка и мышления, Тихоокеанского института), преподаватели, аспиранты и студенты Ленинградского государственного университета, работники Государственного музея этнографии и др.[1] Помимо докладов, авторефераты которых публикуются в настоящем выпуске, на сессии был заслушан и обсужден ряд других сообщений, в том числе доклад Д. А. Ольдерогге «Хамитская проблема в африканистике», опубликованный в журнале «Советская этнография».[2] Кроме материалов указанной сессии, в данный выпуск вошли авторефераты некоторых из защищенных в Институте диссертаций, посвященных народам Советского и зарубежного Востока.

---

[1] Отчет о сессии см. «Советская этнография», 1949, № 2.
[2] «Советская этнография», 1949, № 3.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДОКЛАДОВ

И. П. ПОТЕХИН

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Колониальная система империализма переживает глубокий и непреодолимый кризис, являющийся составной частью всеобщего кризиса капитализма, идущего к неизбежной гибели. Внутреннее содержание и историческое значение кризиса колониальной системы И. В. Сталин определил следующим образом: «Эра безмятежной эксплуатации и угнетения колоний и зависимых стран прошла.

Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения пролетариата этих стран, эра его гегемонии в революции».[1]

Вторая мировая война вызвала резкое обострение кризиса колониальной системы. Оно выразилось прежде всего в мощном подъеме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах, а попытки подавления этого движения военной силой привели к затяжным колониальным войнам. Открытая вооруженная борьба колониальных народов против империализма, за независимость идет в Индонезии, Индо-Китае, Бирме, Малайе, Южной Корее. Создана демократическая республика Вьет-Нам. Создана при поддержке СССР народная демократическая республика в Северной Корее. Успешно развивается великая освободительная война многострадального китайского народа; реакционный гоминдановский режим, поддерживаемый американскими экспансионистами, рушится.[2]

Обострение кризиса колониальной системы империализма выражается, далее, в перегруппировке классовых сил в лагере национально-освободительного движения. Национальная буржуазия колониальных и зависимых стран сделала еще один шаг в сторону сближения с империализмом. Крупная буржуазия наиболее развитых колоний стала на путь прямой измены национальным интересам своих стран. «Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влиятельная, обеими ногами становится

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 245.

[2] За несколько месяцев, прошедших после прочтения доклада, обстановка в Китае коренным образом изменилась: реакционный гоминдановский режим рухнул под сокрушительными ударами Народно-освободительной армии, образовалась Китайская Народная Республика.

в лагерь непримиримых врагов революции, заключает блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны, [3] — писал И. В. Сталин об индийской буржуазии еще в 1925 г.

Предоставление статута доминиона Индии и Пакистану ни в коей мере не разрешило основных задач индийского национально-освободительного движения: основные экономические позиции остаются в руках иностранных монополий, сохранились феодальные княжества как верная опора английского империализма, остался нерешенным аграрный вопрос, национальный вопрос оказался еще более запутанным, в положении широких народных масс не произошло никаких улучшений. Индия продолжает оставаться фактически колонией. Но индийская буржуазия окончательно отказалась от борьбы за независимость и направляет свои главные силы на борьбу против собственного народа, против демократического движения, против рабочего класса и его коммунистической партии в первую очередь. На такой же реакционный путь стала и национальная буржуазия ряда других колоний и зависимых стран. Реакционная буржуазия и помещики Филиппин пошли на сговор с империалистами США и отдали им в рабство свой народ. Националистическая партия Сукарно — Хатта вступила в сделку с американскими монополиями и помогла удушению Индонезийской республики.

В авангард национально-освободительного движения выдвигается рабочий класс, ведущий за собой крестьянство и все подлинно демократические силы. Выдвижение рабочего класса в качестве руководящей силы национально-освободительного движения привело к повышению роли и влияния коммунистических партий. Уже теперь во многих колониях и зависимых странах коммунистические партии являются организаторами и руководителями национальных демократических сил.

Под руководством рабочего класса борьба за национальную независимость сливается с борьбой за всестороннее экономическое и политическое обновление страны. Так, индийская коммунистическая партия приняла на своем втором съезде в марте 1948 г. следующую платформу демократического фронта: полное отделение от Британской империи и создание демократического правительства Индии; ликвидация феодальных княжеств и предоставление всем нациям Индии права на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств; ликвидация помещичьего землевладения без выкупа; национализация крупной промышленности и предприятий, принадлежащих иностранному капиталу; национализация банков; установление рабочего контроля на предприятиях; обеспечение минимума заработной платы и установление восьмичасового рабочего дня.

Большие надежды возлагают колонизаторы на Африку. «Центр Британской империи переместился в Африку», «Африка является нашей великой надеждой»,— пишут английские газеты. Африке отводится большая роль в преодолении послевоенных экономических затруднений и в военно-стратегических планах англо-американского блока, планирующего новую войну с целью установления своего мирового господства. В Африке создаются новые крупные плантации, строятся гидростанции, расширяется добыча минерального сырья, строятся железные дороги, автострады, порты, военные базы. Англия приступает к формированию большой африканской армии. Развертывается гигантское наступление на жизненные интересы туземного населения.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 148.

Но народы Африки не хотят оставаться на положении колониальных рабов, не желают служить пушечным мясом для англо-американских агрессоров. Силы национально-освободительного движения в Африке растут и крепнут. Растет рабочий класс, показывающий примеры организованности; растут и крепнут национальные организации. События в Уганде в конце 1945 г. и на Золотом Берегу в феврале 1948 г., многочисленные массовые митинги и демонстрации, забастовки, ставшие обычным явлением,— все это говорит о том, что общий подъем национально-освободительного движения не миновал и африканского континента.

«Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополии не могут больше по-старому управлять колониями», [4] — говорил А. А. Жданов на информационном совещании представителей некоторых компартий в 1947 г. Стены колониальных империй содрогаются под мощным напором национально-освободительного движения; они уже дали глубокие трещины.

Господствующие классы метрополий ведут кровавые колониальные войны, массами истребляя безоружных людей, борющихся за право жить по-человечески; они усиленно маневрируют, изобретают новые формы управления колониями, которые на деле оказываются перелицовкой старых форм; ведут широкое идеологическое наступление, имеющее целью оправдать свое господство в колониях, «теоретически» обосновать свои политические маневры и ослабить волю угнетенных народов к борьбе за независимость.

В это идеологическое наступление включились буржуазные философы, историки, экономисты и этнографы. Выполняя волю своих хозяев, «ученые» лакеи пропагандируют самую реакционную ложь, искажают истинное положение дел в колониях, истинное положение колониальных народов. Люди передовой науки, все друзья мира и демократии не могут оставаться пассивными зрителями того, как знамя науки используется для оправдания империалистического разбоя в колониях, как интересы науки приносятся в жертву империалистической агрессии.

Советская этнография, выросшая на гранитном фундаменте пролетарского интернационализма, всегда выступала на стороне угнетенных империализмом народов, несла и несет слово правды об этих народах. Однако сейчас теоретическая работа советских этнографов по изучению положения народов колониальных и зависимых стран не может быть признана достаточной. Большая группа этнографов-«колониальников» за четыре послевоенных года не дала ни одной работы по Индонезии, Индии или Индо-Китаю, хотя потребность в достоверной научной характеристике народов этих стран исключительно велика. Наши этнографы занимаются преимущественно далеким прошлым этих народов, исследуют их первобытную культуру или отыскивают в современном их положении остатки прошлых первобытно-общинных отношений.

Этнография не может пройти мимо всех этих вопросов; изучение их необходимо для понимания исторического процесса развития человеческого общества в целом и для понимания современного состояния этих народов. Но советская этнография не может ограничивать себя изучением прошлого колониальных народов; не может затрачивать на это

[4] А. Жданов. О международном положении. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. Госполитиздат, 1948, стр. 17.

свои главные силы. В интересах науки, равно как в интересах демократического, антиимпериалистического лагеря надо решительно изменить тематику исследований и ускорить их темпы.

Советская этнография богата славными традициями борьбы с человеконенавистнической, ложной теорией «высшей» и «низшей» рас. Разоблачая расистские бредни германского фашизма в годы второй мировой войны, советские этнографы внесли ценный вклад в общее дело борьбы против темных сил фашистской реакции. Но теперь расистские теории поступили на вооружение англо-американских поджигателей войны. Расизм используется не только для «обоснования» расовой дискриминации американских негров и не только для оправдания империалистического господства в колониях. Англо-саксонский расизм стал знаменем англо-американского империалистического блока в его борьбе за установление мирового господства, за порабощение всех других народов мира.

Однако старая биологическая расовая теория теперь мало популярна. Ее теоретическая несостоятельность и реакционная сущность были в достаточной мере разоблачены в годы второй мировой войны. Обстоятельства заставили выступить против нее и таких идеологов империализма, которые теперь жалеют об этом и не прочь были бы восстановить ее «репутацию». Но прошлого не воротишь. И теперь англо-американские расисты поспешно подводят под старую расистскую теорию «новые», психологические подпорки.

С этой целью, выполняя классовый заказ магнатов Уолл-стрита, американские этнографы из этно-психологической школы проделывают несколько жульнических фокусов с понятием «культура». Они подменяют его понятием «психология»; говорят о «психологическом профиле» или «психологической конфигурации» народа, имея в виду его культуру. Они превращают этот «психологический профиль» в абсолют, существующий над народами и определяющий их судьбы. Они утверждают, что «примитивные» народы (а к ним они относят не только народы колоний и зависимых стран) имеют несовершенный «психологический профиль» и что изменить его своими силами эти народы не могут. Эти «примитивные» народы нуждаются в помощи, которая может быть оказана только Америкой, так как «американский образ жизни» и американский «психологический профиль» объявляются совершенными. Все «примитивные» народы, чтобы изменить свой «несовершенный» «психологический профиль», должны включиться в «план Маршалла», маршаллизироваться,— таков единственный вывод, который не решаются прямо высказать американские этно-психологи, но который естественно вытекает из всех их «теоретических» построений.

Враг перешел на новые, более замаскированные позиции. Задача советских этнографов — преследовать врага, продолжать борьбу с ним на его новых позициях, разоблачать псевдонаучную тарабарщину американских этно-психологов.

Эквилибристические упражнения этно-психологов с вымученными терминами «психологический профиль», «психологическая конфигурация» и т. п. не новы; они лишь перепевают идеалистические мотивы австрийской школы в национальном вопросе. Критикуя установки этой школы, И. В. Сталин еще в 1913 г. писал: «Бауэр проводит непроходимую грань между «отличительной чертой» нации (национальный характер) и «условиями» их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться

одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?». [5]

Уже тогда И. В. Сталин указывал, что «нация Бауэра» ничем не отличается от «самодовлеющего «национального духа» спиритуалистов. [6]

Достаточно связать «психологический профиль» этно-психологов или национальный характер с материальными условиями жизни людей, как сразу исчезнет его мистический характер, и он перестанет казаться роком, судьбой, определяющей историю и образ жизни людей. Тогда легко обнаружится теоретическая несостоятельность и реакционная направленность всей этно-психологической тарабарщины о «совершенных» и «несовершенных» характерах. Народы, нации все равны в возможностях своего развития, и только империалистическое угнетение продолжает задерживать развитие народов колониальных и зависимых стран. Ленинско-сталинская национальная политика СССР является неоспоримым опровержением всех реакционных домыслов о «высших» или «низших» расах и нациях.

Одной из форм пропаганды англо-саксонского расизма является космополитизм. Эта реакционная идейка имеет в империалистическом арсенале «холодной» войны особое назначение: разрушить в сознании народов чувство национального достоинства и тем ослабить их волю к сопротивлению империалистической агрессии, ослабить волю порабощенных народов к борьбе за независимость, расчистить англо-американским монополистам дорогу к мировому господству. Пропаганда космополитизма захватила и буржуазную этнографию. Больше того, американская этнография стала одним из наиболее активных разносчиков этой реакционной идеи. Советские этнографы не выполнили бы своего патриотического долга, если бы не выступили решительно против космополитизма вообще и против космополитических идей в этнографии, в частности.

Борьба с космополитизмом имеет большое политическое значение и внутри нашей страны. Вредные идеи космополитизма еще не до конца вытравлены из нашей науки и литературы; низкопоклонство перед зарубежной буржуазной наукой, насаждавшееся в прошлом господствовавшими классами России, еще дает себя знать. Разгром антипатриотической группки литературных и театральных критиков показал, что космополитизм и низкопоклонство используются и внутри нашей страны враждебными нам элементами.

Этнографы-«колониальники» связаны главным образом с иностранной, буржуазной литературой, и потому на них в первую очередь ложится обязанность разоблачения космополитизма в буржуазной этнографии. Своей непримиримой борьбой против реакционного влияния буржуазной этнографии они окажут немалую помощь делу коммунистического воспитания наших научных кадров.

Одним из теоретических источников космополитизма являются традиции буржуазной школы эволюционизма. Эволюционисты рассматривали первобытное общество как безликую, недифференцированную человеческую массу, изучали не отдельные, конкретные народы, а общество в целом. Для этнографов-«колониальников» первобытность — не далекая история, а современность, так как многие народы колоний находятся еще на последних стадиях первобытного общества. Колонизаторам выгодно мазать все колониальные народы одной черной краской, чтобы кроить и перекраивать колониальные территории, не считаясь

[5] И. В Сталин. Соч., т. 2, стр. 300.
[6] Там же.

с этническим составом населения. Советский этнограф должен видеть не безликую «примитивную» массу, а конкретные народы, имеющие свою этническую специфику. Надо решительно покончить с абстрактной социологизацией первобытного общества, изучать настоящее и далекое прошлое конкретных народов и только на этом фактическом материале строить свои обобщения, формулировать закономерности, характерные для первобытного общества в целом.

Перед советскими этнографами стоит большая благородная задача показать современные колониальные народы такими, каковы они на самом деле. Империалистическая пропаганда утверждает, что народы колоний все еще находятся на стадии первобытности, что своими силами они не могут выбраться из этого состояния и потому нуждаются в «цивилизаторской» помощи империалистов. Прикрываясь этой ложной теорией, колонизаторы утверждают, что они остаются в колониях исключительно в интересах самих колониальных народов. Бельгийский министр колоний Флишовер в самый разгар второй мировой войны, в 1943 г., лицемерно писал: «Колонизация — это труд, тяжелый труд на службе и в интересах отсталых народов... Колонизировать — это значит нести цивилизацию отсталым народам, которые в течение веков стоят на стадии варварства и не могут своими силами выбраться из этого состояния». Ему вторит французский «социалист» Бруду, восхваляющий французский империализм за то, что он является будто бы «наставником и воспитателем народа, который сам не может собой руководить».

Английские лейбористы уверяют, что они — противники империализма и империалистической эксплоатации колониальных народов и что они остаются в колониях только для того, чтобы «поставить на ноги» местные народы и помочь им достичь независимости. Лейбористский член парламента Эйден Кроули, выступая 29 июля 1948 г. на конференции Союза западноафриканских студентов в Англии, убеждал свою аудиторию, что «если бы англичане должны были оставить Западную Африку или Африку в целом, это не затронуло бы материальных интересов Англии, но было бы бедствием для тамошних колоний. Для туземцев было бы ошибкой брать в свои руки управление страной, пока они еще не готовы к этой большой ответственности». Кроули высказал мнение, что «к этой ответственности они не будут готовы по крайней мере еще двадцать лет».

Может ли советский этнограф в этих условиях ограничиваться исследованием далекого прошлого народов колониальных стран? Очевидно, что таким ограничением он сослужил бы плохую службу антиимпериалистическому, демократическому лагерю. Советский этнограф должен показать эти народы такими, каковы они сегодня, и при этом смотреть не в прошлое, а в будущее, делать ударение не на том, чем они были, а на том, что они есть и чем станут, если их освободить от непрошенных империалистических «опекунов». Надо показать, что эти народы совсем не первобытны и не нуждаются в «опекунах».

Народы колоний, действительно, очень отстали от передовых народов Европы и Америки. Грамотность в колониях выражается лишь в нескольких процентах. Во многих колониях Африки до сих пор нет ни единого местного уроженца с высшим образованием. Медицинская помощь там заменяется знахарством и колдовством. Люди живут в антисанитарных хижинах, одеваются в лохмотья или в шкуры животных, хроническое недоедание — удел большинства людей.

Приведем несколько выдержек из официальных английских отчетов. Занзибар: «В городе отчаянная нищета, и большое число людей с тру-

дом добывает себе достаточное питание». Цейлон: «Плохое питание на острове Цейлоне — явление повсеместное». Остров Доминика: «Молоко, масло и мясо мало доступны и во всяком случае слишком дороги для беднейшей части рабочих, которые питаются преимущественно импортным хлебом и соленой рыбой». Свазиленд: «Признаки плохого питания во время недавнего медицинского осмотра обнаружены более чем у 80% младенцев» и т. д. Это данные официальных отчетов, на самом же деле положение значительно хуже.

Ученые лакеи империализма объясняют эту отсталость расовыми особенностями или, в лучшем случае, географическими условиями. Так, Купленд пишет, что буйная тропическая растительность «держит в оковах дух африканца и лишает его изобретательности, энергии и подвижности». Буржуазные писаки, выполняя заказ своих хозяев, изо всех сил стараются доказать, что черное есть белое, что колониальный гнет это — «добродетель» и что колониальные народы сами виноваты в своей отсталости.

Советский этнограф должен восстановить истину и показать, что колониальные народы отстали не в силу каких-то расовых особенностей, а вследствие империалистического угнетения. В Уганде, например, еще есть люди, которые жили там до установления английского протектората. В беседах с женой известного американского деятеля, борца за мир и демократию, певца Поля Робсона, побывавшей в Африке накануне второй мировой войны, старики племени баганда заявляли: «До прихода англичан мы жили значительно лучше».[7]

В прошлом колониальных народов не было «золотого века». В среде национальной интеллигенции колониальных стран нередко встречаются люди с мировоззрением народнического толка,— люди, воспевающие примитивную жизнь прошлого, идеализирующие родовую общину и т. п. Подобные теории вполне соответствуют интересам империалистов и способствуют консервации отживших свой век институтов первобытного общества; теоретическая несостоятельность этих теорий должна быть вскрыта советскими этнографами. Но вместе с тем и прежде всего наши этнографы должны разоблачать империалистическую политику как главное препятствие на пути развития народов колоний и зависимых стран.

Колонизаторы и состоящие на службе у них «ученые» намеренно преувеличивают значение племенной раздробленности населения колоний и утверждают, что в колониях нет народов и наций, которым можно было бы предоставить независимость, что с уходом империалистов из колоний там начнется хаос, начнутся межплеменные конфликты и войны. «В конечном итоге сила британской позиции в том, что мы находимся в Индии для блага Индии,— писал лорд Биркенхед в бытность свою министром по делам Индии.— Наиболее разительной иллюстрацией истинности этого положения является бесконечное разнообразие национальностей, сект, религий на этом субконтиненте. Чем более очевидно, что антагонизм глубок и затрагивает большие и непримиримые группы населения, тем более ярко подчеркивается тот факт, что мы и только мы можем играть роль объединителя».[8]

По данным английских переписей населения Нигерии, только в северной части этой страны живет более 250 племен; среди них встречаются племена по 180—200 человек (очевидно, за отдельные племена переписчиками были приняты отколовшиеся роды). На этом «основа-

[7] E. G. Robeson. African journey, 1945, стр. 88.

[8] Цитируется по книге: А. М. Дьяков. Национальный вопрос и английский империализм в Индии. ОГИЗ, 1948, стр. 38

нии» колониальные власти заявляют о лоскутном составе населения, о племенной чересполосице и т. п. А между тем 80% населения Нигерии говорят только на четырех языках: хауса — 8 млн.; йоруба — 3.5 млн.; ибо — 4 млн. и фульбе — 2 млн. с лишним. Нигериец Оризу пишет: «Когда мы говорим о племенном делении Африки, мы никогда не должны упускать из виду, что некоторые из этих так называемых племен по занимаемой территории и по населению больше, чем некоторые европейские нации и страны. Например племя ибо... насчитывает более 4 млн. человек и равно в этом отношении Швейцарии».[9]

В переписях населения Индии указывается 180 основных племен и 225 различных языков; на этом «основании» английские колонизаторы утверждали, что Индия — сложный конгломерат рас, каст, племен, национальностей и религиозных групп, которые сосуществуют в едином государстве только благодаря британскому господству. А между тем 95% населения Индии — 318 млн. человек — говорят только на 23 языках, тогда как в Европе (без СССР) 389 млн. человек говорят на 50 языках; на западном хинди говорят больше 70 млн. человек, на бенгали — больше 50 млн. человек и т. д.

Советский этнограф должен показать, что эта племенная раздробленность создается несовпадением этнических и колониальных границ; последние совершенно искусственны. Они возникли в результате империалистической борьбы за раздел и передел колоний и нисколько не зависят от этнического состава населения. Это очень ярко обнаруживается, если, например, политическую карту Африки наложить на ее этническую карту: машона живут в Северной Родезии, Мозамбике и Бечуаналенде; зулу живут в Натале, Свазиленде и Бечуаналенде; евѐ раздроблены между Золотым Берегом, Дагомеей, французским Того и английским Того. Племена евѐ обратились в Организацию Объединенных Наций с ходатайством о ликвидации разделяющих их колониальных границ, однако ходатайство осталось без результата.

Советский этнограф должен показывать, что колонизаторы намеренно поддерживают племенное деление, мешают слиянию племен в более высокие этнические общности. Колонизаторам выгодна племенная раздробленность, она помогает проводить традиционную политику эксплоататоров — «разделяй и властвуй». Они широко пользуются этим приемом в Индии, Бирме, Африке и во всех других колониальных странах. Совсем недавно они натравили йоруба на ибо, чтобы расколоть общую для этих народов национальную организацию «Национальный секретариат Нигерии», развернувшую массовое движение за пересмотр антидемократической конституции 1946 г.

Лживым утверждениям империалистов об этническом хаосе советский этнограф должен противопоставить правдивую картину этнического состава населения колоний. Не прекращая изучения отдельных племен и народов, базируясь на этом конкретном материале, следует показать, что за кажущейся множественностью племен находятся более крупные этнические общности — группы родственных племен, что в колониальных странах уже сложились народности, превращение которых в нации задерживается лишь империалистическим господством. Сейчас больше чем когда-либо требуется изучать состав населения колоний, чтобы выяснить контуры образующихся наций. Центр тяжести исследовательской работы надо перенести на выявление не того, что́ отличает одно племя от другого, а того, что́ их сближает, роднит. Для решения

[9] A. A. Nnafor Orizu. Without Bitternes, New York, 1944, стр. 112.

этой задачи необходимо объединить силы этнографов, фольклористов, лингвистов, чтобы общими усилиями выяснить общность исторических судеб, материальной культуры, языка и психического склада родственных этнических групп.

В зависимости от политических целей империализма буржуазные ученые пытаются искусственно конструировать и какие-то широкие этнические общности. Так, в Индии пытаются выдать мусульман за особую этническую или даже национальную общность, чтобы оправдать маневры английского империализма, рассчитанные на сохранение его позиций в Индии. Вооруженные марксистским, ленинско-сталинским учением о нации, советские этнографы должны показать, что никакой этнической общности мусульмане Индии собой не представляют, что под религиозной оболочкой ислама находятся различные этнические общности, родственные этническим группам, исповедующим индуизм.

Под напором мощного национально-освободительного движения в передовых колониальных странах империалисты, маневрируя, отступают на вторую линию обороны и выдвигают в качестве заслона национальную буржуазию этих стран (Бирма, Индия, Филиппины, Цейлон). В тех колониях, где национальная буржуазия еще слаба, где сохранилась еще в той или иной мере родоплеменная организация (большинство африканских колоний), колониальные власти передают часть административных прав родоплеменной аристократии и выдают это за «самобытную» демократию. Даже в отсталой Африке нет ни одной колонии, где народ не боролся бы за создание демократических органов самоуправления, за участие в управлении своей страной. Колониальные власти уже не могут не считаться с этими требованиями, однако не желают и боятся дать народу демократические права. Они подсовывают ему суррогат в виде так называемой «самобытной» демократии.

Полковник Оливер Стенли, министр по делам колоний в правительстве Черчилля, выступая в 1943 г. на пресс-конференции в Лагосе (Нигерия), говорил, что «нет причин, почему самоуправление не может придти через системы туземной администрации, т. е. через систему туземных властей»; он предупреждал своих слушателей «против рабской имитации пути, по которому развивалось в течение столетий английское самоуправление», т. е. английская «демократия»; он демагогически заявил, что «идея, будто этот путь является моделью, которую должна копировать Африка, кажется ему оскорблением Африки. Эта идея исходит из признания того, что Африка не имеет ничего своего: ни культуры, ни традиций, на основе которых она могла бы создать свою собственную форму самоуправления, и потому должна заимствовать у Англии форму, которая соответствует только английским традициям и культуре». «Африка должна будет развивать собственную форму самоуправления, учитывающую традиции и историю Африки»,— настаивал полковник Стенли.

Демократия означает предоставление народу всеобщего избирательного права, выборность высших законодательных органов власти и органов местного самоуправления, участие широких народных масс в управлении страной. Такова, правда формальная, сущность английской и вообще буржуазной демократии. Полковник Стенли заявляет, что такая демократия «чужда» народам Африки, их традициям, их культуре; «африканская» же демократия означает, что управление страной осуществляется через родоплеменную аристократию, что представителями народа являются вожди племен, родовые старейшины, эмиры и султаны.

Исходя из этой «теории», английские колониальные власти разработали и ввели с 1946 г. конституцию Нигерии, Золотого Берега, а затем и некоторых других колоний. В законодательном совете Нигерии, созданном по этой конституции, имеется 25 представителей туземного населения; из них только 4 избираются населением городов Лагос и Калабар, а остальные — вожди племен, эмиры и прочие князьки. Народные массы Нигерии и Золотого Берега встретили эти антидемократические конституции мощными демонстрациями протеста; функциональная же школа в этнографии пытается «теоретически» обосновать эту демагогическую меру колониальных властей.

Советская этнография не может пройти мимо этого грубого искажения истины, жульнического трюка, который проделывается в интересах колониальных держав. Обязанность ученого — восстановить истину, сказать правду. Советские этнографы должны показать современное состояние родоплеменной организации, в которой от былой родовой демократии не осталось и следа, а верхушка превратилась в эксплоататоров своего народа, в социальную опору империализма. Надо показать место современной родоплеменной организации в системе племенной администрации, превращение ее во вспомогательный административный аппарат. Надо разоблачить реакционность курса колониальных властей на поддержку архаических институтов родового общества.

Такое направление исследовательской работы советских этнографов-«колониальников» предполагает в качестве непременного условия успеха непримиримую борьбу с реакционной буржуазной этнографией, которая полностью подчинила себя политическим задачам империализма, пошла на службу империалистической экспансии англо-американского блока. Особое внимание должно быть обращено на разоблачение реакционной сущности таких школ, как функциональная и этно-психологическая.

364 (2)

С. А. ТОКАРЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДОВ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

1

Ни Океания, ни Австралия не принадлежат к числу колониальных стран с развитым национально-освободительным движением. Это не Индия, не Индонезия, не Индо-Китай, даже не Южная Африка. О них очень мало сообщается в прессе. Из широких слоев читателей немногие знают, кто, собственно, живет в Австралии и на Океанийских островах, из кого состоит там коренное и из кого — пришлое население, каковы взаимоотношения между тем и другим. Мало того: даже этнографы, хорошо знающие этнический состав населения австралийско-океанийской культурной области, знакомые с нею по старым этнографическим описаниям, недостаточно ясно представляют себе т е п е р е ш н е е состояние народов Австралии и Океании; не вполне хорошо знают, сохранилась ли, где и в какой мере старая культура, описанная в прежних классических трудах.

А между тем изучение современного положения коренного населения Океании и Австралии представляет очень большой научный и общественно-политический интерес. Даже неспециалисту, рядовому культурному советскому человеку, живо интересующемуся борьбой, идущей сейчас во всем мире между силами империализма и реакции, с одной стороны, и прогрессивными демократическими силами во главе с Советским Союзом, с другой,— не безинтересно знать, как хозяйничают империалисты в тех колониальных странах, где они пока еще не чувствуют непосредственной угрозы национально-освободительного движения угнетаемых ими народов. Австралия и Океания — именно такие области. Но они далеко не однородны с точки зрения типов и форм колониального режима.

В самом деле, в Австралии и Океании существуют совершенно различные типы взаимоотношений между теперешними хозяевами-колонизаторами и угнетенным коренным населением. Эти различные типы обусловлены неодинаковостью уровня общественно-экономического развития местного населения и особенностями природной среды и хозяйственного уклада каждой страны, а больше всего — спецификой исторической обстановки. Поэтому один тип колониального режима мы встречаем на материке Австралии, где слабое, малочисленное, культурно-отсталое коренное население частью просто истреблено колонизаторами, частью оттеснено в самые неудобные для обитания тропические и пустынные области; остатки его влачат жалкое существование, составляя не более 1% всего населения страны и не играя в ее экономи-

364 (2)

ке, а тем более в политической и культурной жизни почти никакой роли. Еще дальше зашла по тому же пути Тасмания, туземное население которой истреблено до последнего человека уже много десятилетий назад. Совершенно другой тип колониального режима в Меланезии, большая часть которой (за вычетом южной и восточной окраин, т. е. Новой Каледонии, южных Новых Гебрид и Фиджи) представляет собой область с жарким и сырым, нездоровым тропическим климатом, неудобную для поселения европейцев; папуасско-меланезийское население области гораздо многочисленнее и сильнее австралийцев и тасманийцев; оно стоит на более высоком культурном уровне и более способно за себя постоять; это местное население составляет до сих пор абсолютное большинство, белые колонизаторы представлены ничтожными группами, сосредоточенными в немногих пунктах — портах, административных и торговых центрах — и состоящими почти целиком из скупщиков-тредеров, чиновников и миссионеров. В глубине крупных островов, особенно Новой Гвинеи, белых вообще нет, и есть области, куда еще не ступала нога европейца.

Третий тип колониальных отношений сложился на островах юго-восточной Меланезии, в Полинезии и Микронезии. Область эта подверглась в XIX веке и в начале XX века более или менее интенсивной европейской колонизации, и коренное население составляет в ней почти везде меньшинство. Но оно оказалось в большинстве случаев достаточно сильным, хозяйственно и культурно устойчивым, чтобы оказать прямо или косвенно серьезное сопротивление колонизаторам и заставить с собой считаться. Туземцы этой части Океании — полинезийцы, микронезийцы, юго-восточные меланезийцы — хотя и оттеснены почти повсеместно на второй план в экономике колоний, хотя и угнетены политически и деградируют культурно, однако представляют собой еще заметную силу, которую империалисты не могут сбрасывать со счетов. Но внутри этой большой области налицо ряд местных особенностей, своеобразных форм колониального режима и колониальной эксплоатации, а с этим связана и разная степень разложения или сохранения самобытных форм хозяйства, общественных отношений, культуры. Если, например, гавайцы, число которых крайне сократилось, почти целиком утратили свой прежний хозяйственный и культурно-бытовой уклад и превратились в большинстве в наемных рабочих на капиталистических плантациях, если в еще большей степени это произошло с жителями острова Пасхи, то маорийцы Новой Зеландии, напротив, сохранили в значительной мере свою этническую и культурную обособленность и черты древнего племенного строя; в прямой вооруженной борьбе (1840—1872) они добились признания своих, правда номинальных, прав на землю, поскольку она еще не вся была расхищена колонизаторами (это, впрочем, не помешало дальнейшему расхищению). Другие архипелаги восточной и северной Океании обнаруживают частью промежуточные формы колониального гнета, частью еще более своеобразные.

Для любого культурного человека — не-этнографа — знакомство с современным положением народов Океании и Австралии представляет интерес хотя бы тем, что дает понять формы и методы колониальной политики империалистических государств. Тем больший интерес представляет эта проблема для этнографа. Ко всему сказанному присоединяется ряд других, чрезвычайно важных вопросов, сводящихся в основном к следующим: какова судьба самобытных форм хозяйства, общественных отношений и культуры, сложившихся у народов колониальных стран на разных, но в общем более или менее ранних стадиях истори-

ческого развития, когда они попадают в сферу влияния капитализма? в частности, какова судьба их в эпоху империализма? какие изменения претерпевают при этом отдельные институты первобытно-общинного строя? что происходит с родовыми формами быта, с остатками общинных форм собственности, с традициями коллективизма в производстве и распределении? что происходит с самобытными верованиями, вытесняемыми христианством, с народным искусством, искажаемым буржуазными влияниями, и т. д. и т. д.?

В настоящей статье делается попытка обрисовать основные направления, по каким должно итти изучение указанных проблем, набросать общую программу исследования. Если попутно и будут намечаться некоторые выводы, то они могут быть лишь предварительными.

583

2

Одним из важнейших является вопрос о судьбе самой экономической основы жизни колониальных народов под гнетом империалистов. До прихода европейцев во всех странах Австралии и Океании господствовало в общем более или менее замкнутое натуральное хозяйство, так или иначе удовлетворявшее элементарные материальные потребности населения. Направление и уровень этого хозяйства, степень развития производительных сил у отдельных народов были весьма различны, как различна была и окружавшая их природная среда: здесь были налицо все стадии перехода от примитивного присваивающего охотничье-собирательского хозяйства австралийцев до высоко специализированного и интенсивного земледельческо-плодоводческого хозяйства на островах Восточной Океании. Но самый уклад хозяйства был по существу везде один — патриархально-натуральный. Этому не мешало наличие в некоторых районах (у папуасов и меланезийцев) довольно сложных форм обмена, почти исключительно междуобщинного, который лишь немного осложнил натуральный облик местной экономики и только в отдельных случаях был первым шагом к превращению натурально-хозяйственного уклада в товарный.

Включение стран Океании и Австралии в систему мирового капитализма и империализма означало подчинение местной экономики власти мирового капиталистического рынка. Это не могло не оказать глубокого влияния на весь хозяйственный уклад коренного населения; но влияние это было весьма различным в отдельных областях.

Капиталистическое колониальное хозяйство оказало наиболее губительное действие на примитивную экономику австралийцев (не говорим здесь о совершенно истребленных тасманийцах). Их сложившийся веками охотничье-собирательский образ жизни был совершенно подорван уже через несколько десятилетий после вторжения белых колонизаторов. Спасшиеся от истребления остатки племен вынуждены были постепенно отходить все дальше в глубь материка, покидая богатые дичью и растительностью области юго-восточной, восточной и западной Австралии и продвигаясь в скудные пустынные степи, ближе к «мертвому сердцу Австралии», как образно называют сами колонизаторы эти бесплодные районы внутренней части континента. Но и там их не оставляли в покое. Двигаясь по пятам туземцев в глубь Австралии, белые колонисты в течение всей второй половины XIX в. и позже создавали овцеводческие и скотоводческие фермы, подрывая основу туземного промыслового хозяйства. В настоящее время правительство доминиона формально закрепило за туземцами некоторые районы тропического

севера и пустынного запада, где они по закону имеют право заниматься охотничьим промыслом. Но фактически это право у них очень часто отнимается фермерами-скотоводами под предлогом, что охотники пугают их скот и тем приносят убытки. В условиях капиталистической колониальной системы туземное хозяйство не имеет, разумеется, никаких перспектив развития, и ему грозит скоро полная гибель. Никаких серьезных попыток помочь туземцам перейти к более современным формам хозяйства,— например, к земледелию, разведению домашнего скота,— ни администрация, ни колонисты, конечно, не делают. Услужливые буржуазные ученые — Портьюс и другие дают этому «научное оправдание», доказывая, что австралийские туземцы по своей природе неприспособлены к более высокой форме хозяйства, чем примитивная охота и собирательство.

Колониальные власти не проявляют интереса к туземному хозяйству австралийцев и его судьбе. Колонизаторам нужна лишь земля Австралии, которую они и отняли у туземцев. Участь последних им безразлична. Привлекать их как рабочую силу на плантации оказалось трудно и невыгодно из-за отсутствия у них нужных навыков. Единственно, на что оказались пригодны туземцы с точки зрения колонизаторов,— это служить пастухами на скотоводческих станциях. В качестве пастухов, а также домашней прислуги сейчас и используют туземцев в капиталистической Австралии. [1]

3

Иные условия сложились для туземного хозяйства на островах Западной Океании. Туземное население издавна живет здесь оседло, занимаясь земледелием и морскими промыслами, продукты которых представляют интерес для мирового рынка. С другой стороны, по климатическим и другим условиям европейская колонизация здесь не могла принять широких размеров. Система колониальной эксплоатации получила на островах Меланезии два главных направления: это скупка продуктов туземного хозяйства и насильственная вербовка рабочих на австралийские плантации.

Деятельность колониальных хищников-«тредеров», скупающих у туземцев копру (высушенная мякоть кокосового ореха), трепанг, жемчуг и другие продукты местного промысла, достаточно ярко была описана еще Миклухо-Маклаем. [2] Последний со всей свойственной ему благородной страстностью пытался бороться против этой бесстыдной системы колониального грабежа, но, конечно, безуспешно. В новейшей буржуазной литературе лишь изредка проскальзывают умышленно смягчаемые указания на то, что этот вид хищнической торговли существует и по сие время. Но на основании имеющихся крайне скудных свидетельств очень трудно представить себе его подлинный характер, размеры и степень влияния на туземное хозяйство на отдельных архипелагах и островах Меланезии.

Почти то же самое надо сказать и о другом виде колониального хищничества, развернувшегося в той же части Океании,— о вербовке рабочей силы на капиталистические плантации. С развитием плантационного хозяйства в Австралии, особенно в Квинслэнде (со второй половины XIX в.), там возникла нужда в рабочей силе. Местные туземцы не

[1] См. E. Foxcroft. Australian native policy. Melburn, 1941.

[2] Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. II. Изд. АН СССР, 1941, стр. 135—138 и др.

могли быть использованы, зато очень удобным резервуаром рабочей силы оказалась соседняя густо населенная Меланезия, коренные жители которой обладали прекрасными навыками земледельческого труда. И вот в последние десятилетия XIX в. в Меланезии развернулась ужасающая по размерам и гибельным последствиям «вербовка» рабочих.[3] Она проводилась, как правило, при помощи насилия и обмана: у живших натуральным хозяйством туземцев не было стимулов добровольно бросать дом и семью и работать для обогащения плантаторов. Вербовщики чаще всего просто похищали туземцев, заманивая их на корабль обманом. Применялась и покупка у местных вождей зависимых от них сородичей, клиентов, рабов, должников и пр. Завербованная тем или иным способом рабочая сила доставлялась на квинслэндские плантации, где туземцев заставляли работать годами. От тяжелых условий многие погибали, другие, возвращаясь на родину, привозили с собой заразные болезни, вносили деморализацию, тем самым прямо и косвенно ускоряли вымирание населения — «депопуляцию», которая стала бедствием всей Океании в XIX в.[4] Вся эта система бесстыдно насильственной вербовки получила в Меланезии характерное местное название «blackbirding» — «охота на черных птиц». Наблюдатели не раз отмечали, что эта «охота» была, в сущности, повторением, лишь в несколько меньших масштабах, той страшной работорговли, которой незадолго до того был, казалось, положен конец в Африке.[5] Воинственные и свободолюбивые туземцы пытались, конечно, защищаться и, по обычаям кровной мести, сами не раз нападали на белых торговцев. Убийства белых хищников туземцами были довольно часты. Это послужило поводом для создания папуасам и меланезийцам репутации свирепых и кровожадных дикарей-людоедов,— хотя более добросовестные наблюдатели не раз отмечали, что такие действия туземцев были лишь законной самозащитой.[6]

Система «blackbirding» была законодательно «уничтожена» в 1904 г., но не исчезла. Принудительная вербовка рабочих на плантации,— теперь, главным образом, на местные,— продолжается. В 1938 г. на «мандатной территории Новой Гвинее» было около 42 тысяч туземцев, завербованных на плантации белых колонистов,— вдвое больше того числа, которое было в 1914 г.[7] Формально они считались завербованными добровольно, но на деле вербовка чаще всего совершалась путем насилий, обманов, подкупа вождей и пр.[8]

В местной политической и научной литературе обсуждается вопрос: в каких размерах можно вербовать рабочих, чтобы не подрывать основы туземного хозяйства? По мнению Хюберта Мэррея, вербуемые рабочие должны составлять не более $^1/_{15}$ части всего местного населения. Другие авторы называют 7%. Но даже те из буржуазных исследователей, которые считают систему принудительного труда на плантациях злом, говорят о «невозможности» сразу отказаться от нее (Бэртон).[9]

Итак, принудительный труд в колониях Западной Океании существует по сей день.

---

[3] F. Speiser. Ethnographische Materialen aus den Neuen Hebriden und den Banks-Inseln. Berlin, 1923, стр. 13—14.

[4] Там же, стр. 48—54.

[5] James Cormack. Isles of Solomon. Washington, 1944, стр. 37.

[6] Об этом см. Н. Миклухо-Маклай. Ук. соч., стр. 97; «Известия Гос. Геогр. общ.», 1939, № 1—2, стр. 299—300.

[7] St. Reed. Making of modern New Guinea, 1943, стр. 149, 217.

[8] Там же, стр. 183.

[9] J. W. Burton. Brown and white in the South Pacific, 1944, стр. 46—47 и др

4

Глубокие изменения претерпела туземная экономика в Восточной и Северной Океании — от Новой Зеландии и Фиджи до Гавайских островов и Микронезии. Здесь выступают в той или иной степени два основных явления: подчинение прежнего натурального хозяйства туземцев капиталистическому рынку и развитие крупного предпринимательского колониального хозяйства с использованием наемной рабочей силы — туземной и привозной.

Оба эти явления лучше всего иллюстрировать на примере Гавайских островов. Старое натуральное земледельческое хозяйство гавайцев — возделывание таро, кокосовой пальмы и других плодовых деревьев, рыболовство — пришло в течение последних десятилетий в полный упадок. Гавайи превратились в типичную колониальную страну с характерной для таких стран монокультурой. Точнее, на Гавайях развились две специализированные культуры, рассчитанные на экспорт и вытеснившие все остальное,— сахар и ананас. Старые продовольственные культуры туземного и пришлого населения почти совершенно исчезли. Гавайский крестьянин теперь целиком зависит от рынка, на котором сбывает продукты своего хозяйства и покупает продовольствие. Он зависит поэтому от колебания рыночных цен. Но Гавайи — это с 1900 г. «территория» США, которые сбывают сюда монопольно по высоким ценам съестные припасы, по преимуществу консервы. Падение экспортных цен, особенно в годы капиталистических мировых кризисов, и дороговизна привозных продуктов ставят широкие слои гавайского населения в бедственное положение.[10]

С другой стороны, большая часть возделываемой площади на Гавайских островах захвачена крупными капиталистическими монополиями, почти целиком американскими. Им принадлежит большая часть крупных плантаций сахарного тростника и ананасов, где применяется наемный труд туземцев-гавайцев и метисов, а также привозных рабочих — японцев, китайцев, филиппинцев и др. Условия мирового капиталистического рынка ведут к падению реальной заработной платы, к понижению благосостояния рабочих. Перед нами законченная картина капиталистического колониально-плантационного хозяйства.[11]

Подобное положение с теми или иными вариациями (в большинстве случаев с меньшей развитостью чисто капиталистических форм хозяйства) наблюдается и на других островах Полинезии, Микронезии и юго-восточной Меланезии.

Подчинение капиталистическому рынку повело за собой для народов этой части Океании крайнюю экономическую неустойчивость. Зависимость от мировых экспортных цен, от привозных продовольственных и промышленных товаров (спрос на них постарались еще в XIX в. создать у народов Океании торговцы и миссионеры) делает материальное положение туземного населения в высшей степени шатким. Это особенно сказалось в годы разрухи и кризиса после первой мировой войны. Тогда впервые резко пал спрос на главный экспортный продукт островов Океании — копру. Лишившись сбыта своего главного продукта, население потеряло способность что-либо покупать и оказалось в чрезвычайно тяжелом положении. Одним из последствий этого кризиса было довольно неожиданное явление: рецидив натурального хозяйства на

[10] Sam. Weinman. Hawaii, a story of imperialist plunder, 1934.
[11] Там же.

многих островах, возрождение давно оставленных местных промыслов и туземных форм культуры. Не будучи в состоянии покупать ткани на одежду, туземцы вновь начали выделывать свою тапу и одеваться в нее. За неимением керосина они стали жечь в светильниках кокосовое масло. [12]

5

Необходимо остановиться на одном вопросе, умышленно запутанном в буржуазной литературе и официальных изданиях. Это вопрос о мнимом росте материального благосостояния туземного населения Океании или отдельных ее частей при капитализме. В подтверждение ссылаются часто на гавайцев или на маори Новой Зеландии, особенно на последних. Буржуазная пропаганда в Новой Зеландии в виде книг, художественных альбомов, кинокартин и пр. на все лады расхваливает храбрых и энергичных маорийцев, эту «расу воинов», сумевших приспособиться к новым условиям и добиться больших успехов в усвоении новых форм хозяйства: сейчас это-де — преуспевающие фермеры, сеющие пшеницу и маис вместо прежней кумары, разводящие рогатый скот, овец и свиней вместо собак, живущие в благоустроенных поселках, а не в укрепленных «па», и т. д. Сомневающимся предлагаются фотографии, где можно видеть здоровую, красивую и веселую маорийскую молодежь в европейских или национальных костюмах, маорийского фермера-пахаря, обрабатывающего свой участок, того же фермера перед своим красивым и уютным коттеджем и т. д. Подобные фотографии, возможно, сняты с натуры; очевидно, зажиточные, счастливые и довольные маорийцы существуют в природе. Но лишь наивные люди могут поверить, что так живет маорийский народ, его основная масса. И в самом деле: хотя в буржуазной литературе редко можно найти правдивое описание неприглядной действительности, однако кое-какие данные о подлинном положении подавляющего большинства маорийского населения и из этой литературы получить можно.

В сборнике «Maori people today», изданном группой новозеландских ученых во главе с профессором Сэзерлендом в начале второй мировой войны (1940), [13] дается обстоятельное, хотя и смягченное описание разных сторон жизни маорийского народа. Авторы, однако, не могут скрыть фактов, резко противоречащих утверждениям официальной пропаганды, хотя и преподносят эти факты в нарочито мягких выражениях. Оказывается прежде всего, что хотя маорийцы доныне остаются почти целиком сельским народом и в городах почти не живут, землей обеспечена лишь небольшая часть маорийского населения. Известно, что длительные маорийские войны XIX в. велись именно за землю: маорийцы упорно сопротивлялись бессовестному расхищению колонизаторами их земель; при заключении мира маорийцам была обещана по крайней мере та часть земли, которая оставалась не расхищенной. Это обещание, однако, было нарушено; отнятие земли у маори продолжалось и продолжается. В 1891 г. в пользовании туземцев (на Северном острове) оставалось еще около 11 млн. акров земли; [14] через 20 лет, в 1911 г., осталось уже лишь 7 млн. акров, а к 1935 г. — менее 4 млн.

[12] F. Keesing. The South Seas in the Modern World, 1942, стр. 34 и др.
[13] «The Maori people today. a general survey», ed. by G. Sutherland, 1940.
[14] Там же, стр. 127.
[15] Там же, стр. 129.

акров. Нет никакой гарантии, заявляют авторы, что обезземеление маори не будет продолжаться также и впредь.[15] Что же получается в настоящее время? Маорийцев насчитывается свыше 93 тысяч; имеющаяся в их распоряжении земля может прокормить при самом интенсивном использовании не более 20 тыс. человек. Следовательно, свыше $^3/_4$ маорийского народа не имеют земли и прокормиться ею не могут. Что же им остается делать? В городскую фабрично-заводскую промышленность маори и до войны не шли, а в условиях послевоенной разрухи и безработицы им подавно там места не найти. Национальные кустарные промыслы, развитие которых поощряется некоторыми национальными деятелями, много народа прокормить не смогут. Остается батрачить у белых фермеров, перебиваться случайными заработками или нищенствовать. Авторы упомянутого сборника избегают касаться этой темы и не говорят, чем же живет подавляющее большинство маорийского народа.[16] Зато они не могут умолчать о других, с этим тесно связанных фактах.

Оказывается, смертность у маори значительно выше, чем у белого населения (24.31 чел. на 1 тысячу населения против 9.71 чел. на 1 тысячу у белых, по данным 1938 г.).[17] Эта высокая цифра объясняется огромной детской смертностью, а также повышенной заболеваемостью туберкулезом, тифом, дизентерией и другими болезнями, порождаемыми низким уровнем материального благосостояния. Одним из показателей последнего служат жилищные условия. Данные обследования говорят о чрезвычайно неудовлетворительном положении с жилищем у маори. В большинстве случаев это жалкие хибарки, темные, без вентиляции, построенные нередко в местности, лишенной хорошей питьевой воды, не защищенные от грязи, приносимой дождями. Маори, как и все полинезийцы, чрезвычайно чистоплотный народ, но теснота и скученность в их домах поразительны: как правило, в одной небольшой комнате спят от 6 до 12 человек, а то и больше.[18] Авторы обследования указывают далее на совершенно несомненное положение с одеждой — нередко несколько членов семьи пользуются одной одеждой; это вместе с перенаселенностью жилищ создает условия для распространения заразных болезней.[19] Указывают на ухудшение питания туземцев, большинству которых мясная и молочная пища недоступна вследствие ее дороговизны.[20]

Таково безотрадное положение большинства туземцев Новой Зеландии, о котором рассказывают небылицы буржуазная пропаганда и фальсифицированная этнографическая литература. Эта картина, далеко не полно нарисованная имеющимися в нашем распоряжении источниками, относится к последним предвоенным годам. Можно себе представить, насколько ухудшилось материальное положение маорийских трудящихся масс теперь, в годы послевоенной безработицы и экономического кризиса.

---

[16] Сообщения о пауперизме среди маори проскальзывают порой и у авторов, стремящихся затушевать неприглядную действительность. В книге «The Maori a study in acculturation» (1944) Хауторн признает, например, что, хотя главное питание маори состоит из бататов (сладкого картофеля), часть населения не имеет этого продукта (стр. 108).

[17] «The Maori people today...», стр. 230—231.

[18] Там же, стр. 238—239.

[19] Там же, стр. 239.

[20] Там же, стр. 254—257.

6

Значительно сложнее вторая группа вопросов, связанных с изучением современного положения народов Австралии и Океании; это — вопросы изменения социального строя данных народов в условиях колониального режима. Надежного и сколько-нибудь полного материала по этой проблеме в наших источниках чрезвычайно мало, а тот, который имеется, лишь с большим трудом поддается анализу. Очень трудно отличить самобытные общественные формы, выросшие в ходе внутреннего развития до влияния европейских колонизаторов и помимо него, от тех, которые складывались под этим влиянием, прямым или косвенным. Почти все имеющиеся у нас этнографические описания народов Океании и Австралии сделаны не ранее конца XVIII в., а большинство — в XIX и XX вв. Но к этому времени коренное население интересующих нас стран уже долго жило в обстановке тесного контакта с белыми торговцами, миссионерами, поселенцами, администраторами. Очень нелегко определить, в какой мере этот контакт изменил местные социальные институты. Последние и сами по себе представляли, повидимому, чрезвычайно сложные, разнообразные и порой запутанные системы отношений, трудные для понимания; под влиянием колониального режима эта сложность должна была возрасти. Если при этом учесть, что буржуазные наблюдатели и исследователи, как правило, неспособны даже понять, а тем самым и правильно описать социальный строй доклассового общества и формы его разложения, то становится ясно, с каким в сущности недоброкачественным материалом нам приходится в данном случае иметь дело.

Как бы то ни было, предварительное изучение позволяет все же сделать некоторые, хоть и подлежащие проверке, выводы.

Наиболее разрушительным образом подействовал контакт с белыми колонизаторами на почти чистый первобытно-общинный строй австралийцев. Заселение Австралии белыми и бедствия, которые произошли от этого для туземцев, постепенно привели к полному разложению всей самобытной системы общественных отношений. Одно племя за другим, подвергаясь губительному колониальному гнету, утрачивало прежние обычаи, теряло племенную организацию. Традиционные общественные институты — система возрастных инициаций, обычай экзогамии, власть стариков и вождей и пр.— переставали функционировать. Этот процесс, который получил в местной литературе характерное название «детрибализация», протекал и продолжает протекать разновременно в разных штатах, но по существу везде одинаково. Местные политические деятели на протяжении почти ста лет рассматривали «детрибализацию» (иначе ее называли «цивилизированием») туземцев как истинную цель своей «туземной политики»; они действительно добились на этом пути — сначала в колонии (штате) Виктория, позже в других частях Австралии — «блестящих» успехов. Результатом было появление особой прослойки «цивилизованных», а в действительности одичавших туземцев, утративших связи с племенем, жалких и деморализованных оборванцев, число которых росло по мере разрушения племенной организации все новых и новых групп племен. Часть этих обездоленных, лишившихся защиты племени туземцев жестоко эксплоатируется фермерами-скотоводами, остальные составляют люмпенпролетариат.

Итак, в Австралии под гнетом колонизаторов туземная социальная организация — первобытно-общинный племенной строй — разрушается.

Более развитые формы социальных отношений на ее месте не возникают, и дело сводится частью к своеобразной пролетаризации утративших племенные связи туземцев, частью к превращению их в деклассированные элементы.

7

На островах Океании коренное население — особенно в Полинезии и Микронезии — до прихода европейцев стояло на более высоком уровне общественного развития.

Западная часть Океании, где папуасско-меланезийское население сохранило в своем быту сравнительно больше черт первобытно-общинного строя и где элементы классового расслоения до прихода европейцев едва лишь намечались, была относительно слабо затронута белой колонизацией и товарно-капиталистическими отношениями. Поэтому самобытные социальные формы там удерживались без особенно резких изменений до последнего времени, а частью сохраняются и сейчас. Тем не менее, многое здесь, конечно, переменилось, и общественные отношения теперь даже в самых глухих углах Новой Гвинеи и других островов Меланезии уже далеко не те, что еще несколько десятилетий назад.

Изменения в социальном строе папуасов и меланезийцев в последнее время были очень сложны и частью противоречивы; уловить их общее направление не легко. С одной стороны, пребывание завербованных рабочих на австралийских плантациях расшатывало устои туземного общества; возвращавшиеся на родину рабочие, насмотревшись на чужие порядки, далеко не всегда соглашались подчиняться старым обычаям, признавать власть родовых вождей и пр. Они вносили элемент анархии в традиционный уклад туземного общества, содействовали его разложению. Но, с другой стороны, гораздо значительнее было, видимо, действие тех сил, которые укрепляли авторитарные элементы общественного строя. Местные родовые и племенные вожди, более богатые члены общины, захватывали посреднические функции в торговле с белыми, местами занимались работорговлей, порой пытались даже, используя свое экономическое господствующее положение, организовать крупное производство отдельных предметов колониального вывоза. Не только белые торговцы, но в дальнейшем и колониальная администрация опиралась на эти главенствующие элементы местных общин, действовала через них. Введенная колониальными державами на большинстве островов система «непрямого управления» состояла именно в том, что местная родоплеменная верхушка наделялась административными правами и прерогативами. Ей поручались сбор налогов и контроль над выполнением разных повинностей туземного населения, ей предоставлялись некоторые судебно-полицейские функции. Все это, конечно, повышало удельный вес социальной верхушки туземного общества. Но в то же время это существенным образом меняло самую основу ее власти: вместо традиционного авторитета, основанного на обычаях и имевшего в значительной мере моральный характер, местные вожди получили полицейские функции и поддержку колониальной администрации. Изменение характера власти оказывало обратное действие на экономические отношения: усиливая посреднически-компрадорские элементы туземного общества, система «непрямого управления» ускоряла разложение первобытно-общинной экономики, обостряла классовое расслоение.

Все эти процессы протекали в Западной Океании вплоть до начала второй мировой войны. Японская и союзническая оккупация, участие ту-

земного населения в военных действиях и тому подобные события существенным образом изменили обстановку. Но учесть создавшиеся после войны условия и уловить новое направление развития пока еще очень трудно.

3

Те же процессы, но в гораздо более крупных масштабах происходили в Восточной и Северной Океании, т. е. у полинезийцев, микронезийцев и юго-восточных меланезийцев. Разложение первобытно-общинных отношений у этих народов еще до прихода европейцев зашло гораздо дальше, чем на западных островах. Уже к концу XVIII в. здесь местами образовывались крупные межплеменные объединения и на основе зарождавшейся классовой дифференциации намечались зародышевые формы государственной организации. С другой стороны, влияние колониального режима в этой части Океании проявилось гораздо раньше и было неизмеримо глубже. Не удивительно, что все те процессы ускоренного разложения самобытного родоплеменного строя, форсированного вызревания эксплоататорских элементов, какие указывались выше для Западной Океании, на этих островах проходили несравненно быстрее и привели к более заметным последствиям.

Под непосредственным воздействием сношений с торговцами, миссионерами и правительственными агентами на ряде архипелагов Тихого океана (особенно на Гавайях, Таити, Тонга, Самоа и Фиджи) с конца XVIII в. и до середины XIX в. проходили в общем одни и те же процессы: более энергичные и удачливые из местных князьков монополизировали общение с европейцами, обогащались на торговом посредничестве, приобретали огнестрельное оружие, обучали свои военные дружины на европейский лад, с их помощью и при подстрекательстве белых резидентов, миссионеров и разных проходимцев предпринимали завоевательные походы, объединяли под своей властью целые острова и архипелаги и создавали туземные королевства. Привлекая на свою службу советников и инструкторов из европейских государств (позже и из США), эти туземные властители заводили на европейский лад войско, полицию, финансы, административно-судебный аппарат. Появились даже писанные конституции. Под давлением племенной аристократии, а частью в виде уступки требованиям более широких слоев туземного населения и в подражание европейским государствам вводились представительные учреждения. Местные государства постепенно европеизировались. Но параллельно шел другой процесс: все большее подчинение местной экономики могуществу колониальных капиталистов. Соперничавшие державы делили сферы влияния на архипелагах Океании. Номинальные властители островов Тихого океана постепенно превращались в марионеток европейского и американского капитала. В течение второй половины XIX в. суверенитет этих властителей на островах, бывший и ранее в значительной мере фиктивным, постепенно устранялся (Таити и Маркизские о-ва — 1842, Новая Каледония — 1853, Фиджи — 1874, Маршалловы о-ва — 1885, Гавайи — 1893, Самоа — 1899). Старая племенная аристократия наделялась лишь функциями местной администрации по системе «косвенного управления». Этой смене политических форм соответствовали сдвиги в экономических отношениях: ускоренное развитие полуфеодальных и феодальных форм в первой половине XIX в. сменилось более глубоким проникновением капиталистических отношений. Народилась местная буржуазия, смыкавшаяся в своих интересах с колониальными европейскими и американскими капиталистами. К концу XIX в. бур

жуазный строй уже господствовал на большинстве островов Восточной Океании.

Но докапиталистические пережитки там не исчезли. На очень многих островах Полинезии — особенно на Самоа, Тонга, Таити, Новой Зеландии,— а еще более в Микронезии господство товарно-капиталистических отношений уживается с рядом архаических общественных форм: например, в Микронезии до сих пор сильны черты матриархата, так поражавшие старых наблюдателей;[21] на Самоа и других полинезийских архипелагах еще крепко держится большесемейная община, которая была там ранее основой общественной организации: местная верхушка и колониальная администрация находят для себя выгодным хотя бы из фискальных соображений поддерживать эту форму семьи, с которой, кстати, мирились и миссионеры, видевшие в ней нечто вроде отголоска библейских патриархальных порядков. На Новой Зеландии до сих пор сильны пережитки племенного строя: следы межплеменной розни, так вредившей национально-освободительной борьбе маорийского народа в XIX в., сохраняются и сейчас, и господствующие слои Новой Зеландии находят выгодным эту межплеменную обособленность поддерживать; еще во время первой мировой войны национальные маорийские воинские части создавались по племенному признаку, который учитывался и при назначении командного состава.[22] Это соответствует и интересам маорийской знати, для которой одна из существенных статей дохода — узаконенные племенными обычаями поборы с населения.

Таким образом, социальный строй современного населения Полинезии, Микронезии и части Меланезии представляет картину господства буржуазных форм при сохранении некоторых глубоко архаичных и притом своеобразных у отдельных народов общественных отношений.

9

Чрезвычайно интересен третий круг вопросов, касающихся современного положения австрало-океанийских народов: судьба туземной культуры и теперешний культурный уровень коренного населения. Общий итог этих изменений — постепенный распад старой самобытной культуры. Здесь особенно потрудились миссионеры, однако не они одни, ибо вся совокупность условий колониального режима действовала и действует губительным образом на самобытную культуру населения. Что же оно получает взамен?

Для примера возьмем туземцев Австралии. «Европейская культура» доступна им, самое большее, лишь в виде начальной школы, и то далеко не всем. И хотя дети туземцев оказываются, по отзывам многих наблюдателей, ничуть не менее способными к школьному обучению, чем дети белых, а иногда обнаруживают и поразительные успехи, школа им, в сущности, ничего не дает. Расовая дискриминация в Австралии свирепствует даже больше, чем в Америке, и спесивые колонизаторы не считают темнокожих туземцев людьми. В этих условиях, если туземцу и посчастливится получить некоторое образование, он все равно не имеет возможности его применить. Колонизаторы боятся появления национальной интеллигенции, способной возглавить национально-освободительное движение; боятся и проникновения «опасных мыслей» в головы туземцев. В буржуазной колониальной и миссионерской литературе

[21] Tadao Janaihara. Pacific islands under japanese mandate. Shanghai, 1933.
[22] «The Maori people today...», стр. 169—170 и др.

обсуждается вопрос о целях и пределах обучения туземцев. По мнению профессора Джулиана Хэксли, туземцев нельзя воспитывать в духе «европейских идей»; напротив, воспитание и обучение их надо приспособить к местным условиям, «включая не только географию и экономику данного народа, но и его социальную организацию и традиционные идеи». Очевидно, Хэксли хочет, чтобы туземные дети обучались в школах правилам экзогамии, тотемизму и магическим обрядам. Надо понять, говорит он, что «воспитание есть социальный процесс, результаты которого сказываются лишь через несколько поколений», и поэтому не нужно «слишком быстрого развития». [23]

Колониальные мракобесы побаиваются даже учить туземцев английскому языку: он для туземцев, видите ли, слишком труден. В туземных школах на островах Фиджи детей обучают на диалекте Мбау, на который миссионеры перевели свои церковные книги; в некоторых районах Новой Гвинеи тому же служит диалект Бланш-Бэя. Эти туземные языки не внушают колонизаторам опасений, так как на них нет светской литературы и они не могут служить средством общения туземцев с внешним миром. В других местностях Меланезии языком школьного обучения стал жаргон «пиджининглиш», на который переведено даже «священное писание». Один из видных деятелей океанийских миссий, «преподобный» Бэртон, предлагает вести преподавание в туземных школах на упрощенном английском языке «бэсик инглиш». По его мнению, туземцам нужна отнюдь не общеобразовательная, а лишь сельскохозяйственная и техническая школа. Только очень немногим мальчикам из туземной среды надо давать несколько повышенное образование, чтобы подготовить мелких служащих и клерков: ведь каждой колонии нужны «посредники» для сношений колониальных хозяев с туземцами. [24]

Колонизаторы уже давно и прочно утвердились на островах восточной Океании. Туземное население там сократилось; оно раздроблено, подавлено и поэтому не внушает большой боязни белым хозяевам. Там выделилась уже своя немногочисленная национальная интеллигенция, принадлежащая к буржуазной верхушке,— особенно у маори Новой Зеландии: таковы, например, известный Апирана Нгата, ныне «сэр», видный парламентский национальный деятель реакционного направления; принцесса Те Пуеа, руководительница движения за возрождение национальных промыслов и ремесел; «сэр» Маун Помаре (ум. в 1930 г.), врач-гигиенист, член парламента и правительства доминиона; Те Ранги Хироа, метис, сын ирландца и маорийки, крупнейший из современных этнографов-океанистов. У маорийцев (как и у некоторых других полинезийцев) есть своя национальная печать, небольшая литература. Но именно поэтому власти не допускают обучения детей маорийцев на родном языке.

Буржуазная пропаганда вообще превозносит «культурные успехи» маорийского народа, будто бы сумевшего воспринять европейскую цивилизацию, не отбрасывая целиком и своей прежней. Однако за этой показной внешностью скрывается весьма неприглядная картина. Культурный уровень массы маорийского народа при всей его бесспорной способности к усвоению европейской культуры до сих пор чрезвычайно низок. Начальные «туземные школы» (native schools) — «туземные» только по составу учащихся: учителя в них англичане, как правило, не знающие маорийского языка, занятия идут на английском языке, а

---

[23] Burton. Brown and white, стр. 52.
[24] Там же, стр. 57—58.

о духе обучения нетрудно догадаться.[25] Впрочем, и эта школа доступна не всем детям: очень многие не могут посещать ее из-за дальности расстояния и отсутствия одежды, а также по другим материальным причинам. Еще менее доступны для подавляющего большинства населения по тем же причинам средние школы, которые к тому же насчитываются единицами.[26]

Таким образом, хваленые культурные успехи маорийцев в действительности относятся лишь к немногочисленной туземной аристократии и буржуазии, культурный же уровень народной массы остается крайне низким.

Если так обстоит дело даже у маорийцев, то культурное состояние всех остальных народов Океании, а тем более Австралии, оказывается совсем незавидным. Знакомство их с «европейской цивилизацией» ограничивается обучением в миссионерских школах и приобщением к христианской церкви разных толков. А что это означает,— об этом многократно писали беспристрастные наблюдатели, среди них и те, которые отнюдь не были врагами христианской религии,— такие, как русские путешественники Лисянский, Коцебу, Вышеславцев и другие. Миссионеры энергично борются против старых обычаев, но не из-за их дикости или жестокости (миссионеры благословляли гораздо более жестокие действия колонизаторов), а из-за «языческого» характера; вместе с действительно жестокими обычаями (каннибализм, детоубийство) они искореняли все вообще старые обычаи, народные развлечения, пляски, праздники, песни, предания. Но чем они заменяли эту старину? Тем, что обучали туземцев петь гимны, заставляли ходить по нескольку раз в день в церковь, вводили обязательное безделье по воскресеньям, а самое главное — прививали туземцам тупой фанатизм, ханжество, доходящее до религиозного изуверства. Это оказалось во многих случаях хуже старого «язычества» со всеми его жестокостями. К прежней межплеменной вражде, которую миссионеры разжигали из своих политических расчетов (на Самоа, Фиджи, Таити и т. д.), прибавилась новая, вероисповедная: миссионеры натравливали свою паству на «язычников»; там, где одновременно действовали попы разных церквей и толков, между ними разгоралась и междоусобная грызня. Так, у туземцев Новой Зеландии, обращенных в христианство,— одни англиканскими миссионерами, другие веслеянскими, третьи католическими,— вражда между разными толками, разжигаемая «духовными пастырями», доходила до того, что жители некоторых деревень разгораживались глухими высокими заборами, чтобы не иметь ничего общего с «еретиками». На острове Ротума вражда между туземцами-католиками и протестантами особенно обострилась в годы франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда до островитян дошли вести о победе Пруссии над Францией; местные протестантские попы постарались тогда растолковать это событие своей пастве в том смысле, что католической религии пришел конец; подстрекаемые духовенством туземцы-протестанты учинили настоящий погром католикам, причем было немало человеческих жертв. И только оказавшийся в тех водах русский корвет «Витязь» предотвратил большое кровопролитие.[27] Таких эпизодов немало в истории деятельности миссионеров в Океании.

[25] «The Maori people today...», стр. 299.

[26] Там же, стр. 225.

[27] См. «Морской сборник», 1872, № 4. Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь», капитана Назимова.

Вот, в сущности, к чему сводится для значительного большинства коренного населения Океании и Австралии знакомство их с «ценностями европейской цивилизации». Другие ее стороны — спиртные напитки, азартные игры, венерические болезни — тоже достаточно хорошо знакомы народам этой области.

* * *

Изучение современного положения народов Австралии и Океании ставит и ряд других, не менее важных и интересных проблем. Таковы проблемы национальных взаимоотношений между туземцами, европейскими поселенцами и иммигрантами из стран Азии, составляющими на некоторых островах очень значительную прослойку населения (индийцы на Фиджи, яванцы на Новой Каледонии, японцы и филиппинцы на Гавайях), вопросы экономического и бытового положения метисов в туземном и европейском обществе, расовая дискриминация метисов, их этническое и национальное самосознание и т. д. Очень важно изучать развитие национально-освободительного движения в странах Океании и Австралии, его особенности и перспективы.

И. А. БУТИНОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИАЛИЗМА США

Характеризуя состояние современной экономической науки в США, один американский экономист писал: «Продажа идей стала крупным бизнесом». Это в полной мере относится и к американской этнографии. Разного рода бизнесмены изготовляют в большом числе самые низкопробные «теории», «точки зрения», «схемы», «концепции»; при первом взгляде на них видно, с какой целью они сделаны.

Возьмем книгу недавно умершей Р. Бенедикт о японцах.[1] Автор утверждает, что внутренний мир японца совершенно не регулируется сознанием. Всю жизнь японец стыдится своих ближних, и это делает его несчастным. Лишь те японцы, которые попали в плен к американцам и потеряли всякое чувство стыда перед своими соотечественниками (т. е., очевидно, предали свой народ), якобы живут хорошо и весело. Так буквально и пишет Р. Бенедикт, выполняя приказ штаба Макартура (в последние годы она работала там в отделе военной информации).

Д. Абрагамсен[2] в своей книге заявляет, что немцы с первобытных времен страдают... коллективным умопомешательством; их нужно «лечить». Этот «ученый» муж подробно излагает способы «лечения» и считает, что на «излечение» потребуется не менее 75 лет. Эта цифра, повидимому, вполне устраивает американских империалистов, грабящих население Западной Германии.

Книга Абрагамсена сделана в США, но автор — не американец. В США стало модой выпускать книги авторов из других стран. При этом произносится немало пышных фраз о мнимой объективности автора и т. п. На самом деле автор просто покупается вместе с его идеями и выводами. Все поставлено на чисто деловую основу.

Так был куплен шведский ученый Гуннар Мирдаль, написавший двухтомную работу об американских неграх,[3] в которой он «теоретически» обосновывает расовую дискриминацию. Хороший анализ книги Мирдаля сделал прогрессивный американский ученый Г. Апсекер. Он показал, как Мирдаль, из желания угодить своим хозяевам, не останавливается перед прямым извращением и подтасовыванием фактов.[4]

Книга Коры Дю Буа (по существу, целого коллектива авторов) об индонезийцах[5] рекламировалась как одно из самых значительных про-

---

[1] R. Benedict. The chrysanthemum and the sword. Cambridge, 1946.
[2] D. Abrahamsen. Men, mind and power. New York, 1945.
[3] G. Myrdal. An american dilemma. New York, 1946.
[4] H. Aptheker. The negro people in America. New York, 1946.
[5] Cora du Bois. The people of Alor. Minneapolis, 1944.

изведений американской этнографии последних лет; в ее написании принимали участие этнографы Батесон, М. Мид, Линтон, психологи Кардинер, Портьюс, Оберхольцер. Культура индонезийцев острова Алор изображена в ней таким образом, что, по признанию самой Коры Дю Буа, «кажется почти карикатурой». В этой книге нельзя верить ни одному «факту». Даже такой далеко не прогрессивный ученый, как Роберт Лоуи, отказался просмотреть ее полностью перед выходом из печати.

Возьмем, наконец, книгу американских этнографов, супругов Биглхол, о маори Новой Зеландии.[6] Известно, что белые новозеландцы относятся к маори немногим лучше, чем белые американцы — к неграм; авторы же утверждают, что это лишь «воображаемая дискриминация», что «сверхчувствительные» маори якобы видят дискриминацию даже там, где ее нет. Если фабрикант берет на работу белого, а не маори, то лишь потому, что белый якобы лучше работает. У маори «структура характера» такова, что он «не может» хорошо работать. Нужно изменить «структуру характера». Ниже мы еще скажем несколько слов об этой книге, здесь же отметим только, что предлагаемый авторами проект изменения «структуры характера» маори является проектом закабаления и безудержной эксплоатации этого народа.

Подобного рода книги принимаются в США различно: «идеи», в них выражаемые, одними учеными одобряются, другими отвергаются, но — и это характерно — не потому, что они соответствуют или не соответствуют фактам, а по чисто субъективным основаниям. Так, например, Мекил, рецензируя реакционную книгу Кардинера «Индивидуум и его общество», писал, что он «избегал критиковать фактическую сторону дела»; что сейчас не имеет смысла «разбирать правильность выводов автора относительно конкретных культур или ошибочность его толкований антропологических фактов».[7] Клюкхоун о книге Р. Бенедикт «Модели культуры» писал как о вполне законном явлении, что автор упомянул лишь те факты, которые подтверждают исходную «точку зрения», и умолчал о всех других, ей противоречащих.[8] Клюкхоун и не мог писать иначе: его собственная «концепция» тоже лишь одной ногой стоит на почве фактов, к тому же основательно извращенных. Не удивительно, что уже раздаются голоса, требующие, чтобы американская этнография из науки «позитивной» стала наукой «дедуктивной», т. е. «наукой», оторванной от фактов.

Это изобилие «теорий», «схем» и т. п. и полное (или почти полное) искажение фактов, их подтасовка ничего общего не имеют с тем, что мы наблюдали в американской этнографии 20—30 лет назад. Тогда для нее характерно было отсутствие схем, теорий и нежелание делать теоретические выводы. Франц Боас, например, обладал, по выражению Крэбера, «ледяным энтузиазмом». Он с величайшей точностью описывал этнографические факты и с величайшей осторожностью избегал каких-либо обобщений. Боас и его ученики гордились своей непричастностью к «теоретизированию».

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. оказал огромное влияние на американскую буржуазную науку, в том числе и на этнографию. Этнографы США стали все чаще и чаще задумываться над «великой проблемой цивилизации». Роберт Лоуи в то время писал: «Жизнь ужасна. Дикарь, верящий в дурные силы, окружающие его со всех сто-

---

[6] E. a. Beaglehole. Some modern Maoris. Wellington, 1946.
[7] «American Anthropologist», 1940, № 3, стр. 530.
[8] C. Kluckhohn. Сб. «Language, Culture and Personality», 1941, стр. 118.

рон, выражает свой опыт более точно, чем философ-оптимист... Огнеземелец — символ человеческой судьбы: холодно, но не настолько, чтобы замерзнуть».[9] Однако Лоуи боится решительных «перемен», т. е. уничтожения капиталистического строя. А вдруг, пугает он, изменение будет к худшему? «Стоит ли игра свеч?» — спрашивает этот американский Беликов[10] и призывает каждого спрятаться в свою скорлупу, в свой футляр, и пассивно ожидать, что будет дальше.

В то время и проникла в американскую этнографию бесплодная идея «улучшить» капитализм. Начинают появляться статьи и книги Э. Сэпира, Р. Бенедикт, М. Мид и других «дедушек» и «бабушек» новой школы в американской этнографии.[11] И не случайно, конечно, в этих книгах и статьях заметно сильное влияние Шпенглера и Фрейда, не случайно авторы их видят в обществе только «удачливых» и «неудачливых» индивидуумов, но не видят классов и классовой борьбы. Их цель — не объединить, а разъединить трудящиеся массы. Проблему культуры, утверждают они, каждый должен решать индивидуально. «Мы исходим из индивидуума»,— заявляют они и добавляют: «Мы должны это сделать». Своей задачей они объявляют изучение тех способов, при помощи которых индивидуум может наилучшим образом «приспособиться к культуре». На первый план выдвигается проблема «культура и личность». Сторонники новой школы начинают усиленно заниматься психоанализом и психотехникой.

Различие между старой и новой школами в американской этнографии особенно сильно сказалось в период второй мировой войны на таком, казалось бы не имеющем прямой связи с этнографией, факте, как отношение к войне и к Советскому Союзу.

Ф. Боас выступил против германского фашизма еще задолго до войны. Книга его «Ум первобытного человека» была в 1933 г. сожжена гитлеровцами. Во время войны Боас написал ряд брошюр: «Арийцы и не-арийцы», «Миф о расе», «Дома умалишенных для нацистских лидеров» и др.; из них некоторые распространялись антифашистскими подпольными организациями в Германии. Другой видный американский ученый, тесно связанный со школой Боаса, антрополог Алеш Грдличка, был в 1939 г. в Советском Союзе. По возвращении в США он опубликовал, помимо специальных антропологических работ, в которых широко использовал материалы советских антропологов, ряд статей о хозяйственных и культурных успехах Советского Союза. В условиях военного времени Грдличка поддерживал тесную связь со Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей и со своими коллегами в Советском Союзе.[12] Боас и Грдличка страстно желали победы над фашизмом и не раз высказывали свои симпатии к Советскому Союзу и советским ученым.

Совершенно иное отношение к войне и Советскому Союзу у Р. Бенедикт, М. Мид, Р. Линтона, Коры Дю Буа, А. Кардинера и других. Война с германским фашизмом и японским империализмом понимается ими как начальная стадия войны за мировое господство. Они восхваляют пресловутый «американский образ жизни». Проблему «культура и личность», постановка которой давала раньше тем же Бенедикт и Мид воз-

[9] R. Lowie. Are we civilized? New York, 1929, стр. 291.
[10] Там же, стр. 293.
[11] В сб. «Language, Culture and Personality», посвященном Э. Сэпиру, он величается «дедушкой» современной американской этнографии.
[12] См. М. Г. Левин. Алеш Грдличка.— «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, I, 1949, стр. 100—101.

можность критиковать американские капиталистические порядки, они теперь ставят так, что основной огонь критики направляется против «личности». Культура сама по себе, или, как говорит Линтон, «в абстракции», хороша, а если отдельным индивидуумам живется плохо, то виноваты они сами, их «структура характера», не позволяющая им «приспособиться» к этой культуре. Они якобы виноваты в том, что «хорошая» «в абстракции» культура получила в их «поведении» «неадэкватное» конкретное выражение. Кардинер таких индивидуумов, не стесняясь, называет психически ненормальными. Линтон и Кардинер позволяют себе нападки на профсоюзы, на коммунистическую партию США. Прямых нападок на СССР в период войны, конечно, не делалось, но зато в настоящее время в них уже нет недостатка. «Русский характер», «структура русского характера» изображаются в самых черных красках. Более того: свой собственный подход к трактовке социальных проблем, подход с позиций отдельного индивидуума, психологический, сторонники новой школы сознательно противопоставляют учению о классах и классовой борьбе, теории исторического материализма.

«Наше поколение,— пишет некто Дейхс,— можно разделить на тех, кто стоит на психологической точке зрения, а не на социологической или экономической, и на тех, кто стоит на социологической или экономической точке зрения».[13] Под этими двумя точками зрения надо разуметь, видимо, два лагеря в науке: лагерь демократический, стоящий на позициях марксизма-ленинизма (творцом социологической или экономической точки зрения Дейхс называет Маркса), и лагерь антидемократический, империалистический, объявляющий поход против марксизма. Школа Бенедикт, М. Мид, Линтона, Коры Дю Буа, Кардинера, Хэллоуэла и других вполне выявила свое политическое лицо.

Что же касается школы Боаса, то она к этому времени окончательно утратила свое ведущее положение. Одни ее представители сошли в могилу (Боас, Уислер), другие, по существу, замолчали (Лоуи), третьи перешли на позиции новой школы и служат агрессивной политике американского империализма (Крэбер). Некоторые, по признанию Хэллоуэла, «мрачно качают головами, размышляя над этой новой и, по их мнению, эксцентрической линией развития».[14] Представители новой школы не встречают в современной американской этнографии серьезного отпора и чувствуют себя в ней полными хозяевами.

После краткого экскурса в историю вопроса перейдем к еще более краткому обзору тех направлений, по которым идет конкретная, так сказать, «будничная» работа американских этнографов в настоящее время.

Приведем сначала несколько горьких признаний, вырвавшихся в 1942 г. из уст американского этнографа Элси Парсонс. От американских этнографов, сказала она, могут потребовать всего, что угодно. Могут потребовать, чтобы они оправдали войну теорией культурного контакта. Могут потребовать, чтобы они восхваляли американскую демократию. Могут потребовать, чтобы они вели идеологическую войну с теми, на кого им укажут. «Этнографы могут с тоской оглядываться на добрые старые дни, когда они были бедны, но горды, независимы, потому что незаметны, свободны, потому что никто не заботился о том, что они делали».[15]

[13] «American Journal of Sociology», 1943, № 5, стр. 620.
[14] «American Anthropologist», 1947, № 4, стр. 594.
[15] E. C. Parsons. Anthropology and prediction.— «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 341.

Итак, «добрые старые дни» прошли. От американских этнографов ныне могут потребовать всего, что угодно. Посмотрим же, чего от них требуют и как они эти требования выполняют.

В американской экономической и социологической литературе много места посвящается обоснованию вздорной теории «регулируемого капитализма». Экономисты и социологи уверяют, что природа капитализма радикально изменилась, что теперь якобы можно даже предупреждать кризисы. Экономист Мэй восклицает: «Я думаю, что мы будем иметь мужество предупреждать кризисы в 50-е годы. Нам необходимо смело повернуться к нашим экономическим проблемам и изучать наши экономические институты со всей научной тщательностью».[16] Некто Бюллен считает, что этнографы также должны внести свой вклад в это дело. «Генеральная электрическая компания,— пишет он,— имеет комитет, активно работающий над попыткой смягчить последствия ожидаемой депрессии. Правильно ли, что в этом комитете отсутствует антрополог?»[17] Бюллен считает, что это неправильно, и не только он один это считает. В итоге возникает особая линия работы — изучение «современных общин» (modern community). Появляется особый печатный орган — журнал «Прикладная антропология» («Applied Anthropology»), целиком посвященный этим вопросам. В 6-м томе этого журнала мы читаем: «Небольшие группы людей, парные отношения, узкоограниченные «социальные ситуации» или поля стали в последнее десятилетие новой областью плодотворного исследования. Этнографы обращаются к этим явлениям столь же часто, как психологи, психиатры и специалисты по психоанализу».[18] Появляются толстые труды, подводящие «теоретическую основу» под эти исследования, например, работа Чэппла и Куна.[19]

К чему, в конце концов, все это приводит? К тому, что восхваляется «американский образ жизни». К тому, что безработица объясняется не законами капиталистического способа производства, а якобы наличием в обществе «неприспособленных» к труду людей. Есть этнографические работы, психологически трактующие вопросы найма рабочих на производство. В других работах изучается спрос на те или иные товары, изучаются «реакции» на те или иные политические события и т. д.

Такова одна линия работы современных американских этнографов.

В США существует дискриминация не только по отношению к неграм, но и по отношению к людям других национальностей, например, к мексиканцам, китайцам. Это пытаются оправдать при помощи теории «аккультурации», теории вообще старой, но призванной сейчас выполнять новые функции. Согласно этой теории, США представляют собой «тигель», в котором представители других национальностей «переплавливаются» в американцев, «американизируются». Задача американских этнографов состоит в том, чтобы доказать, что это процесс очень медленный и что если мексиканцам, например, живется плохо, то лишь потому, что они еще не полностью «американизировались»; и американские этнографы эту задачу выполняют, вплоть до вычисления процента «американизации». Например, некто Горер в книге «Американский народ» утверждает, что психология иммигрантов сохраняется в шестом и даже в седьмом поколениях.

---

[16] «Commercial and financial chronicle», 1947, 19 июня, стр. 22.

[17] R. P. Bullen. An Anthropological world. «American Anthropologist», 1942, № 3, стр. 526.

[18] «Applied Anthropology», vol. 6, № 1, 1947, стр. 2

[19] Chapple a. Coon. Principles of Anthropology, 1942.

Эти чудовищные измышления Горера встречают отпор со стороны прогрессивных американцев, указывающих на таких людей как Франц Боас, Ла Гардия и другие «иммигранты первого поколения», пользующиеся широкой известностью и уважением американского народа. Но реакционеры не унимаются. По указке империалистов США немецкие этнографы также начинают интересоваться «аккультурацией», ставя себе целью «американизацию» немецкого народа. «Интересно указать,— пишет А. Метро,— что некогда так называемый немецкий народ теперь считается иностранным со всеми вытекающими отсюда последствиями».[20] Это говорится о немцах Западной Германии, которая рассматривается обнаглевшими американскими империалистами как их вотчина, а ее население поэтому — как «иностранное».

Такова вторая линия работы современных американских этнографов.

Огромное распространение в американской литературе получила идея мирового господства США, легенда о наступлении «американской эры», проповедь создания «всемирного государства» и «всемирного правительства», руководящая роль в котором должна принадлежать американской финансовой олигархии. Одновременно американские империалисты ведут под флагом космополитизма ожесточенную атаку против суверенитета других государств.

Как и следовало ожидать, современные американские этнографы также лихорадочно работают в этом плане.

Роберт Парк, один из новейших идеологов империалистического космополитизма, пишет о «мировом обществе», о «всемирном государстве». «Устойчивый политический порядок,— рассуждает он,— может быть воздвигнут на таком моральном порядке, который не прерывается границами национальных государств». Весь вопрос для Парка сводится к тому, как установить этот «новый порядок». Его рассуждения на сей счет весьма интересны. «В прошлом,— пишет он,— было в основном задачей религии, в частности христианских миссий, создавать в рамках расширяющейся мировой экономики моральный порядок», но теперь «тоталитарные государства откололись от религии». Кого же теперь послать в качестве разведчиков в страны, не желающие открывать за долларовую похлебку свои государственные границы? Кого же, как не социологов и этнографов? — решает Парк. Они, по его мнению, наиболее подходят для этой цели. Он пишет: «В Англии этнографы стали техническими советниками колониальной администрации. В США они начинают изучать «окраинные народы», т. е. те народы, которые под влиянием европейской культуры находятся теперь в процессе... ассимиляции и инкорпорации в возникающее мировое общество». Вот какую рекомендацию дает Парк английским и американским этнографам.

В недавно созданной в США фашистской организации, имеющей целью подготовку «граждан земного шара», роль ведущих «преподавателей» отведена американским социологам и этнографам. В Западной Германии на «собрании немецких этнографов» решено было ввести этнографию в начальные школы. «Новая школа», заявил Ленц, должна готовить «граждан земного шара», а для этого необходима этнография как «теоретическая основа для всех других отраслей знания». Таким образом, американские этнографы, а по их указке и немецкие, выступают в роли космополитических инструкторов будущих шпионов и бандитов. При этом американцы покровительственно похлопывают по плечу

[20] «American Anthropologist», 1948, № 4, стр. 719.

своих немецких коллег. Последние, по их словам, «проявляют дальнозоркость и понимание своих социальных обязанностей».

Такова третья линия работы современных американских этнографов.

Оправдание претензий американских империалистов на мировое господство мы находим в ряде работ, вышедших в США. Даже Ю. Липс в популярной, и, казалось бы, очень далекой от политики книжке вдруг заводит речь о «мировом государстве», к которому, как нагло заявляет он, «мы все стремимся».[21] Существует уже и теоретическое «обоснование» этих претензий США на мировое господство. Пример германского империализма свидетельствует, что для этой роли подходит расовая теория. Это же мы видим и на примере США. Особенностью в данном случае является то, что американский расизм вырабатывался в обстановке вынужденной критики германского расизма и с учетом этой критики.

Американские расисты, критикуя германский расизм (в чем они, конечно, сейчас раскаиваются), утверждали, что культура не зависит от физических признаков народа и не передается биологически по наследству. Они даже утверждали, что никаких различий между людьми вообще не существует. При этом имелось в виду, однако, отсутствие различий между людьми только в момент их рождения и в первые полтора — два года жизни; в эти начальные годы все люди равны, и каждый одинаково может стать в культурном отношении как англичанином или американцем, так и папуасом или австралийцем.

Американские расисты самим ходом истории принуждены были отказаться от тезиса о биологическом наследовании культуры. Но они от этого еще не перестали быть расистами. Они выдвинули тезис о психологическом наследовании культуры.

Да, говорят они, культура не передается биологически; но она передается психологически, и эта передача начинается, когда ребенку всего еще $1^1/_2$—2 года. Фиксация «черт личности» начинается не то со второй половины первого года (C. Bühler), не то со второго (Baldwin), не то с третьего (Lucas), не то с четвертого (Jones),— полного согласия по этому вопросу среди американских психологов не существует. То же и среди американских этнографов. Э. Сепир, указав, что «фиксация личности» завершается «вскоре после рождения, либо на втором или третьем году жизни индивидуума». Когда ребенку исполняется 4—5 лет, он уже полностью «сформирован в психологическом отношении», его природа «отвердевает» и изменить свою «структуру характера» он уже не может. Отныне вся его жизнь определяется «структурой характера». Скажем, в детстве в нем было «сформировано» чувство любви и ненависти по отношению к матери (этот фрейдистский мотив широко распространен в современной американской этнографии). Став взрослым, он «проецирует» это чувство на всех женщин. Отсюда якобы неудачные браки, частые разводы и т. д. «Структура характера» определяет также и то, как человек воспитывает своих детей в их раннем возрасте, и определяет таким образом, что дети формируются в точности по «модели» родителей (сын по «структуре характера» является копией отца, дочь — матери). И так из поколения в поколение.

Разумеется, все это рассуждение насквозь лживо. Формирование человека происходит в течение всей его жизни и зависит, разумеется, не столько от опыта «раннего детства», сколько от событий тех лет, когда он является ответственным за свои поступки членом общества.

[21] J. E. Lips. The origin of things. New York, 1947.

Под влиянием этих событий личность человека может совершенно перестроиться. Она не является чем-то раз навсегда данным, но изменяется в течение всей его жизни.

Эти очевидные и научные, психологией доказанные положения полностью игнорируются американскими расистами.

Дальнейшая аргументация развивается следующим образом. Каждый народ якобы имеет свой «психологический профиль», свою «основную», или «среднюю», или «модальную» личность и т. п. (у разных авторов разные названия). У одного народа, говорят расисты, «профиль» такой, что этот народ только и ищет, с кем бы вступить в войну, а потом сразу остывает и готов принять «любые диктуемые условия мира» (такую «характеристику» получил от американского расиста А. Кардинера в 1945 г. индонезийский народ).[22] Сам народ не в силах ничего сделать со своим «профилем», не в состоянии его изменить. Пытаться сделать это, утверждает Кардинер, это «все равно, что пытаться поднять себя за ушки сапог».[23] Народ может изменить «профиль» только при помощи другого народа, восприняв черты его «профиля». Например, Э. и П. Биглхол в книге, о которой мы уже говорили, показав, что маори Новой Зеландии живут в чрезвычайно трудных условиях, и обвинив в этом «структуру характера» маори, предлагают изменить ее следующим образом: собрать в один центр мужчин и женщин маори в возрасте от 18 до 30 лет и обучить их при помощи «пакеха», т. е. белых, «материнству» и «отцовству». Обучение это, предупреждают авторы, «может причинить немало огорчений и неприятностей молодым матерям и отцам». При «центре» должен быть детский сад, где молодые матери и отцы могли бы воспитывать своих детей. Последние получат, таким образом, несколько иное воспитание, чем отцы, а по «структуре характера» несколько приблизятся к «структуре характера» белых. Воспитание этих детей будет еще более отличаться от воспитания дедушек и бабушек, и в отношении «структуры характера» они еще более приблизятся к белым. Авторы обещают, что «через два или три поколения» маори не будут по этой «структуре» отличаться от «пакеха».

Народ, желающий изменить «структуру характера», должен, по мнению американских расистов, обратиться за помощью к тому народу, который обладает наилучшей «структурой характера». Тут расисты, естественно, указывают на свой «профиль» и начинают расхваливать «американский образ жизни».

Такова новая американская расистская «теория», которая готова «обосновать» все, что будет угодно империалистам США. Если последним угодно поддерживать фашистский режим в Испании, монархо-фашистский режим в Греции, голландскую разбойничью войну в Индонезии, американские расисты говорят: «Даже если существуют политические системы, которые отрицают право граждан участвовать в управлении [государством.— *Н. Б.*] или пытаются покорить более слабые народы», то эти системы нужно все же сохранить, так как, «если мы исходим из индивидуума, а мы должны это делать», каждый индивидуум «убежден в том, что его собственный образ жизни является самым желательным», а также и в том, что «другой образ жизни в той мере, в какой он отличается от его собственного, является менее желательным».[24] Если же империалистам США будет угодно напасть на

[22] A. Kardiner. The psychological frontiers of society. New York, 1945, стр. 170.
[23] Там же, стр. 44.
[24] См. Послание американских этнографов в ООН.— «American Anthropologist», 1947, № 4, стр. 539—543.

какую-либо страну, американские расисты скажут: «Так как структура характера наших врагов для нас нежелательна, а наш собственный характер действует благотворно, мы имеем моральное право притти к ним и реформировать — силой, если необходимо,— семью, жизнь, воспитание и религию народов, отличных от нас самих».[25]

Подобные утверждения, замечает Джон Эмбри, «подозрительно напоминают расизм его ранних дней».

Чтобы опознать расиста американского типа, нельзя, однако, подходить к нему со старой меркой. Он сам очень громко критикует германский расизм; это может ввести и вводит в заблуждение некоторых доверчивых людей. У американского расиста особые внешние признаки: 1) психологизм, объяснение всех культурных явлений импульсами, стимулами, наклонностями и другими психологическими или псевдопсихологическими (например, страстью к наживе) «комплексами»; 2) тезис о формировании всех этих «комплексов» в период «раннего детства» и 3) приписывание различным народам различных «профилей» «основных личностей» и т. п.

Такова еще одна линия работы современных американских этнографов, пронизывающая все их писания.

Нами указаны, разумеется, только некоторые из этих линий, к тому же весьма неполно. Но и из сказанного не трудно видеть, что эта деятельность имеет своей целью оправдать агрессивную и реакционную политику империалистов США. Представители новой школы в американской этнографии предали интересы прогрессивной науки, превратились в платных и бесплатных агентов Уолл-стрита.

---

[25] «American Anthropologist», 1945, № 4, стр. 636.

Е. В. ТАЛАНОВА

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В БУГАНДЕ

«Не забывайте Востока» — так озаглавил одну из своих статей товарищ Сталин в ноябре 1918 г. «Задача коммунизма — разбить вековую спячку угнетенных народов Востока, заразить рабочих и крестьян этих стран освобождающим духом революции, поднять их на борьбу с империализмом и лишить, таким образом, мировой империализм его «надежнейшего» тыла, его «неисчерпаемого» резерва», [1] — писал И. В. Сталин.

В то время из стран африканского континента борьбу за независимость вели лишь Египет и Марокко. Теперь национально-освободительное движение охватывает народы Африки один за другим. Нет ни одной сколько-нибудь значительной африканской колонии, в которой не было бы рабочих или национальных организаций, ведущих борьбу с империалистическим гнетом и эксплоатацией. Коммунистические партии Египта, Алжира, Марокко, Туниса и Южно-Африканского Союза, «Демократическое объединение Африки» во французских колониях, «Объединенная конвенция Золотого Берега» и «Национальный совет Нигерии» — в английских колониях являются основными руководящими центрами национально-освободительного антиимпериалистического движения народов Африки.

Характерные события произошли в 1945 г. в Буганде, небольшом туземном государстве, одной из пяти провинций британского протектората Уганды.

Протекторат Уганда был создан в самом конце прошлого века; в него, кроме Буганды, были включены миниатюрные государства Межозерья (Уньоро, Анколе, Торо и др.).

Буганда, лежащая к северу от озера Виктория, была самым могущественным государством Восточной Африки, получавшим дань с многих племен. Большой флот Буганды мог маневрировать войском до 20 тыс. чел. В XVIII—XIX вв. Буганда была грозой соседей и гегемоном Межозерья. В походы, целью которых было не только добыть скот и рабов, но и завоевывать все новые земли, властитель страны — «кабáка» — вел до 150 тыс. воинов. Страна управлялась наместниками кабаки, имевшими, как и он сам, свой двор, свои дружины, многочисленную клиентелу и большое число рабов. Высшие сановники государства составляли совет властителя, так называемый «люкико». Буганда была варварской деспотией со строго централизованным управлением, регламентацией торговли и регулярным сбором податей и торговых

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 172.

пошлин. Торговые связи Буганды простирались на восток до Занзибара, а на север — до караванных путей на Хартум.

В середине XIX в. арабские купцы были частыми гостями в столице Буганды. Язык суахили стал придворным и дипломатическим в этой стране. Юношей знатных семей отправляли учиться в медресе Занзибара.

Но свободное, независимое развитие страны в конце XIX в. было прервано вторжением английского империализма. Английские власти, стремясь создать себе опору в лице местной знати, принялись насаждать феодальные отношения. В 1900 г. с кабакой было заключено соглашение, которым создавалось в стране крупное землевладение. Из территории в 19 600 кв. миль 10 500 кв. миль отвели британскому правительству (так называемый «фонд короны»), остальная же земля была распределена между кабакой и знатью баганда.

Кабака и члены его семьи получили 500 кв. миль, три главных советника кабаки — по 32 кв. мили; каждому наместнику было выделено по 8 кв. миль в полную собственность и столько же в счет так называемого «официального поместья» (грань между этими видами владений была очень неясна). Всего наместникам было отведено 320 кв. миль. Наконец, начальники меньших территорий (свыше 1000 чел.), так называемые «бами», получили по 8 кв. миль.

Аграрная политика британского империализма перевернула создававшиеся веками земельные отношения. В Уганде конца XIX в. еще сохранялось родовое землепользование; частной собственности на землю не было, верховным собственником всей земли считался кабака. Система земледельческого хозяйства была такова, что требовалась частая смена участков. Разработав новый участок, земледельцы несколько лет пользовались им, а затем забрасывали и расчищали новый. Распределение земель было в руках отчасти родовых старейшин, отчасти же — территориальных начальников.

Члены родов — «батака» — занимали исконные земли рода, расположенные по холмам, вокруг рощ предков. Земли по склонам и в низинах (так называемые «земли начальника, поросшие высокой травой») были в распоряжении наместников округов, которые распределяли участки среди новопришельцев — «бакопи» — людей, оторвавшихся от своих родов и осевших на новых местах. Бакопи через три поколения уже нельзя было согнать с занятой земли. Бакопи и батака через наместников платили регулярные налоги в пользу государства, несли повинности по постройке дорог и хижин в усадьбах кабаки и наместников, участвовали в военных ополчениях. Это были свободные общинники, составлявшие большинство земледельческого населения, не прикрепленные к земле, вольные уйти в любое время в другой округ, на другие земли. В Буганде XIX в., как и во многих других странах Африки, еще не сложилось частной собственности на землю, а было лишь временное пользование ею.

Наряду со свободными общинниками были «басензе» — люди, отдавшиеся под покровительство влиятельных наместников, свита знатного человека, его дружинники, слуги, клиенты. Басензе могли оставаться на землях округа в случае перемещения своего покровителя-хозяина на новую должность в другой округ или же уйти к другому покровителю («сенгука» на языке лу-ганда значит перейти к другому хозяину). Таких людей было особенно много при дворах крупных сановников и в столице у самого кабаки. Однако на приусадебных землях наместников работали не басензе, а многочисленные рабы.

Грани между батака — сородичами, бакопи — новопришельцами, присоединявшимися к общине, и басензе — клиентами, чужаками были очень неопределенны. Но ни один из видов землепользования не был еще крепостным ко времени появления европейцев. Феодализация страны только складывалась в недрах старого, родового общества. Не наместники, сменявшиеся и нарочито часто перемещавшиеся из округа в округ, а лишь дружинники кабаки получали в пользование землю, освобождаемую от податей. Служилое землевладение появляется в небольших размерах только при последнем кабаки независимой Буганды.

Таким образом англичане вносили совершенно новые принципы частной собственности на землю.

Вначале британская земельная политика встретила неожиданную оппозицию наместников кабаки. Они не сразу поняли преимущества, вытекавшие из закрепления земли за собственниками. Знатным баганда был непонятен самый принцип закрепления земли за владельцем, как чужд он был и любому земледельцу. Одни боялись потерять право перехода, другие (знать) — право распределения земель. Раздача и распределение земель, сбор налогов и повинностей с податного населения были главной обязанностью наместников и их помощников и главным источником их доходов, так как значительная доля сбора составляла «кормление» наместника.

«Все стало вверх дном в стране,— писал первый англиканский епископ в Уганде, Тукер, принимавший самое деятельное участие в «земельных реформах» 1900 г.— Потоки людей двигались по всей стране, желая получить землю близ родового холма. Жившие на востоке устремились на запад, требуя, чтобы согнали с участков земледельцев, занявших их родовые земли. Те, в свою очередь, сдвигали с мест других, поворачивая вспять, к родовым холмам».

Дело осложнялось тем, что английские власти ввели подворную подать в 4 шиллинга (= 2 400 раковин каури) — сумму, не малую для земледельцев баганда. Последние были вынуждены пускать в продажу все фамильные ценности: щиты, копья, лубяные плащи, даже амулеты. Баганда закладывали детей на 2—3 года, чтобы уплатить налог. Разные семьи поселялись в одной хижине, полигамные семьи теснились вместе; молодые люди боялись заводить собственное хозяйство, стараясь избежать налога. В Уганде начались эпидемии, вызванные антигигиеническими условиями жизни. В довершение всего английские чиновники распорядились уничтожить туземные деньги — раковины. Кучи раковин насильственно сжигались, чтобы ускорить вступление страны в «новый век», в «новую эру», как выражались британские «цивилизаторы».

Родовое землепользование и ранее сложившиеся земельные отношения были сломаны; новые возникали не без борьбы со стороны земледельцев баганда.

«Вопрос о батака», как называли его англичане, стоял неотступно перед британскими чиновниками, кабакой, туземным парламентом. Петиция за петицией подавались в люкико, суды были переполнены делами о землях «маило» (от английского слова «миля»), о новых размежеваниях. В 1900—1925 гг. один земельный закон следовал за другим. Земельный вопрос, запутанный англичанами донельзя, привел их, наконец, к опубликованию хитроумного решения. По акту 1925 г. все батака получали право жить на родовой земле, «даже если она принадлежит другому»; но их обязывали платить ренту владельцу и нести все другие повинности по отношению к нему.

Так были созданы крупная земельная собственность и система аренды земли безземельными крестьянами. В настоящее время в Буганде около 10 тыс. крупных земельных собственников (из них 230 имеют очень крупные владения) и почти 200 тыс. арендаторов, вовсе не имеющих своей земли. Одна пятая часть земель находится в руках наместников округов и областей. Крупные землевладельцы, феодальная знать Буганды, являются теперь надежной социальной опорой британского империализма; через эту знать английские власти осуществляют так называемое косвенное управление.

Верховная власть принадлежит кабаке, крупнейшему помещику Буганды. Нынешний кабака был коронован англичанами в 1942 г. под именем Мтеза II. Он окончил в своей столице колледж и затем учился в Англии. При нем сохранился совет люкико, в состав которого входят министры правительства кабаки, 20 наместников, 60 членов, назначаемых кабакой по 3 от каждого округа, и 6 «других важных лиц», назначаемых им же.[2]

Таким образом, как признают и сами англичане, «люкико представляет класс с общими интересами, использующий привилегированное положение» (Майер). Люкико издает законы, определяет размеры налогов, ведет регистрацию земельных участков при их продаже, назначает объем общественных работ. Люкико определяет и суммы выкупа за жену и многие традиционные порядки житейского обихода.

Правительство кабаки состоит из трех министров: катикиро — премьер, муваника — казначей, или министр финансов, и муламузи — главный судья и министр юстиции. Министры назначаются и смещаются кабакой с санкции английских властей. Фактически кабака и его правительство являются марионетками английского губернатора Уганды, подсобным административным аппаратом одной из провинций этого протектората. Кабака получает корону из рук английских властей. Все решения люкико подлежат утверждению английского губернатора. При каждом наместнике имеется английский резидент.

Туземное правительство Буганды живет в старой столице — Кампала, где находится и высшая школа для юношей из знатных семей. Административный центр британских властей, гор. Энтеббе, находящийся невдалеке, соединен железной дорогой с главной железнодорожной магистралью. Энтеббе — самый крупный промышленный центр страны.

Британский империализм превратил Уганду в свою мощную хлопковую базу. Экспорт хлопка в 1945 г. оценивался в 7 с лишним миллионов фунтов стерлингов и составлял 71% всего экспорта. Хлопок вытесняет все другие культуры (бананы, бататы и др.). Уганда превращается в страну монокультурного хозяйства. Эта узкая специализация на хлопке поставила благосостояние крестьян баганда в зависимость от колебаний цен на мировом рынке; во время кризиса 1929—1932 гг. многие крестьяне были разорены. Созданы крупные хлопковые плантации, на которых работают десятки тысяч наемных рабочих — мужчин и женщин; широко применяется и детский труд. Построено больше двухсот небольших заводов по очистке хлопка. Для вывоза хлопка к станциям железной дороги используется автомобильный транспорт. Имеются в Уганде

[2] Такие же советы имеются в другой провинции протектората Уганды — Западной, в Анколе и Уньоро, где также сохранена власть государей и укреплены права знати. В тех провинциях, где европейского завоевания государственных объединений не было, британские власти управляют разрозненными племенами, посылая вместе со своими резидентами наместника из знати баганда.

и другие предприятия. Рабочие хлопковых плантаций, железнодорожники, рабочие автотранспорта, портовые рабочие, рабочие сахарных, беконных и хлопкоочистительных заводов составляют многочисленный рабочий класс Уганды. До 1945 г. профсоюз шоферов был, однако, единственной рабочей организацией.

Скупка хлопка, а также хлопкоочистительные предприятия находятся большей частью в руках индийской буржуазии. Иммиграция индийцев — главным образом промышленников, торговцев и квалифицированных рабочих — усилилась в последние годы. В руках индийцев 194 хлопкоочистительных завода и около 21 тыс. акров земли под хлопком. Несколько больше земли находится под плантациями, принадлежащими европейцам: 223 хлопковые плантации занимают площадь в 22 564 акра.[3]

Продажа земель иностранцам запрещается законами страны. Однако парламент, состоящий из крупных землевладельцев, солидаризируется с интересами британского империализма и разрешает приобретение земли под хлопковые и кофейные плантации.

Пролетариат и крестьянство баганда подняли знамя борьбы против туземных и чужеземных угнетателей. В начале 1945 г. в Уганде началась всеобщая забастовка рабочих, поддержанная крестьянами. Были выдвинуты требования: 1) демократизация люкико; 2) отставка муваника Кулубая; 3) повышение заработной платы; 4) повышение цен на хлопок.

Непосредственным поводом для волнений было решение люкико об уступке 2 200 акров земли одной из английских хлопковых компаний (по сообщению журнала «East Africa and Rhodesia», 9 августа 1945 г.).

Подготовку всеобщей забастовки английские власти приписывали профсоюзу шоферов.

Руководители союза были арестованы. Кульминационным пунктом движения был расстрел большой демонстрации 20 января, после чего начались массовые расстрелы. Движение было потоплено в крови, но колониальные власти и кабака должны были пойти на политические уступки: часть членов люкико будет отныне избираться народом, советы при саза и гомбололо также будут выборными.

Рабочие добились и повышения заработной платы. Однако волнения не прекращались. Правительство кабака должно было уйти в отставку. На пост катикиро был призван старый государственный деятель Нзбирва, бывший премьером с 1923 по 1941 г. Правление Нзбирва оказалось на сей раз очень кратковременным. В сентябре 1945 г. он был убит активным участником январских событий Георгием Сенкатума.

Прокламации, распространявшиеся во время волнений, говорят о том, что народ баганда знает своих классовых врагов. В прокламации «Baganda Ngafe» (Буганда — наша мать) писалось: «Работорговля была отменена одним путем, а другим путем она вновь введена. Прежняя работорговля была лучше, так как тогда забирали в рабство лишь некоторых, а остальные оставались и жили мирно дома; новая работорговля затрагивает всех — и детей, и женщин; английские законы надевают на нашу шею ярмо, хотя мы и думаем, что мы в своем туземном доме... Недалеко время, когда у нас отберут землю и поселят нас на землях европейских поместий, когда мы будем жестоко страдать от рабства, подобно нашим товарищам в Кении, Южной Африке и других местах. Нашей стране не избежать этого несчастья, и оно принесено

[3] Данные по «African survey», Hailey, 1939.

нашими собственными соотечественниками, у которых продажные сердца и которые поступают как предатели; некоторые из них — хорошо известные люди, но остерегайтесь их, когда они добираются до высоких постов».

События в Уганде знаменательны в двух отношениях. Они показывают, что туземное общество не едино,— оно раскололось на реакционный и демократический лагери. Вместе с тем события эти являются ярким примером организующей роли рабочего класса в демократическом национально-освободительном движении.

И. И. СТРОГАНОВА

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР НАРОДА СУАХИЛИ

Возникновение народа суахили, одного из компонентов современного населения Восточной Африки, относится ко времени арабской колонизации восточного побережья Африки, т. е. к VII в. н. э. В то время, в условиях возникавших государственных рабовладельческих образований, большое число прибрежных племен банту сложилось в прибрежный народ, называемый арабами «суахили», что означает «береговые».

Большинство буржуазных исследователей склонно считать, что суахили возникли исключительно в связи с ассимиляцией прибрежных племен арабами-завоевателями, вне которой существование суахили как народа и не мыслится. Между тем суахили — типично африканский народ, сохранивший свои физические особенности, культуру и общий для всех племен банту характерный строй языка.

Язык суахили принадлежит к восточной группе языков банту и по распространенности занимает третье место в Африке. По последним данным, на нем говорят около 8 млн. чел., и он считается одним из самых значительных языков Африки. Это официальный туземный язык всех английских колоний Восточной Африки: Кении, Танганьики, Уганды и Занзибара. Кроме того, он распространен в восточной части Бельгийского Конго, известен и на берегу Сомалиленда, а также за пределами Африки — в Аравии и Индии. Из трех основных диалектов суахили — киаму (диалект Ламу), кимвита (диалект Момбасы) и кунгуджа (диалект Занзибара) — последний признан литературным языком.

Язык суахили используется британскими колониальными властями в административных целях. Суахили, известный большинству народов банту, английские власти стремятся превратить в государственный язык всей Восточной Африки. Официальная пресса издается преимущественно на суахили, на нем же ведется преподавание в школах. Эта политика, часто вызывающая протесты туземного населения остальных британских колоний, выражает стремление английских властей усилить свое влияние на туземцев. Нельзя не учитывать и другой стороны этого процесса — той роли, которую одновременно играет язык суахили в складывании более крупных этнических общностей.

В настоящее время суахили расселены на прибрежной полосе между мысом Дельгадо и Могадишо, а также на островах Занзибара, Пемба и Мафья. Утратившие основы родовой организации и разделяющиеся на большие патриархальные семьи суахили сохранили в своих социальных учреждениях много пережитков, связанных с родовым строем. Религиозные воззрения суахили подверглись сильному влиянию ислама; однако, отразившись в известной мере в правовых нормах, он не уничтожил старых верований суахили — кое-где сохранившегося, но уже исчезающего почитания духов предков.

Подобно другим народам Востока, подвергшимся арабскому завоеванию в VII в. н. э., суахили использовали арабскую письменность для записи своих литературных произведений, которые передавались ранее устно. В эпоху расцвета рабовладельческого строя на побережье Африки значительно развилась и литература суахили, отличающаяся разнообразием жанров. Здесь и исторические хроники, и так называемые «тензи» — эпические поэмы религиозного и поучительного содержания, и поэтические произведения в виде небольших поэм, лирических стихотворений, именуемых «машанри», и произведений фольклорного характера. У суахили много пословиц, стихотворных изречений и песен.

Неправильно было бы считать, что в литературных произведениях суахили лишь отражаются арабские оригиналы или что они всегда связаны с последними по содержанию. Так же как арабский язык не изменил грамматического строя языка суахили, а лишь наполнил туземный в своей основе суахили многими лексическими заимствованиями, так и арабская письменность в значительной мере послужила для фиксирования собственного народного творчества суахили.

Исторические хроники, написанные в прозе эпические поэмы исторического и религиозного содержания и песни о народном герое суахили — Лионго относятся к XII—XIII вв. н. э. Это наиболее ранние из известных нам литературных произведений на языках банту.

Исторические хроники, записанные на различных диалектах языка суахили, дают ценные сведения об истории восточного побережья Африки с начала XIII по конец XIX в. Известны хроники отдельных мелких княжеств (Момбасы, Кильвы и др.), а также хроника султаната Пате — первая хроника, опубликованная на языке суахили. В хронике Пате приведена история 32 правителей Пате, происходящих, по свидетельству хроники, от арабской правящей семьи Набханов, бежавшей из Аравии в XIII в. Царство Пате, расположенное на архипелаге Ламу и объединившее все мелкие прибрежные княжества, характеризуется, по данным хроники, постоянными междоусобицами между правителями мелких султанатов и коренным населением Африки, неоднократно восставшим против поработителей. С другой стороны, царство Пате предстает перед нами впоследствии как постоянный оплот объединенных сил народов Восточной Африки против европейских колонизаторов.

В хрониках даются фактические данные об образовании городов на восточном побережье. По свидетельствам хроник, современные города Пате, Малинди, Занзибар, Момбаса, Ламу и Кильва были основаны в конце VII в. Абдул Маликом из семьи Омейядов.

Описание национального движения народов Восточной Африки, направленного против колонизаторов, мы встречаем и в других произведениях суахили, в частности, в поэме о восстании маджимаджи, происходившем в 1905—1906 гг. Автор поэмы Абдул Карим бин Джамальдини принадлежит к мусульманской прослойке туземного населения. Он — сторонник колонизаторов и поражен «дерзостью» туземцев, выступивших против правительства. Поэма содержит много интересных подробностей восстания:

Туземцы сказали: причину
Войны, если ты хочешь
Ее знать, мы не скроем,
Мы скажем ее тебе.
Господин наш, мы устали,
Каждый день нас принуждают к работам.
Лучше умереть, чтобы избавиться
От затруднений. Да, мы это предпочли.
Сначала обрабатывать плантации,

Вечером собирать хлопок,
Затем строить большие дома,
Чтобы быть готовыми к уплате налога.
Это было тяжело! Мы подумали
Об этом, мы побоялись
Сказать и начали восстание,
Избрав смерть.

Не дав туземцам никаких обещаний и не объяснив им причин их тяжелого положения, немецкий правитель угрожает смертью всем участникам восстания, сулит им свинцовые пули. Но восстание продолжалось, к нему присоединялось все больше племен Восточной Африки. Восставшие не имели провизии, средств, оружия, они прятались в горах и питались травой и листьями, рассчитывая в борьбе с немецкими орудиями на магическое средство, обещанное вожаком восстания. Туземцев ждала верная смерть, и все же они говорили:

Мы будем сражаться дальше
И не будем прятаться в лесу.
Лучше пасть в битве,
Но быть свободными людьми.

Восстание длилось около двух лет и было жестоко подавлено.

Сказание о народном герое суахили Лионго и связанные с ним поэмы и лирические песни имеют не только историческую ценность. Они являются одновременно и образцами героических сказаний суахили и материалом, пополняющим наши сведения о пройденных этапах развития общества. Эти произведения особенно интересны тем, что в них засвидетельствован древний диалект суахили — кингози. Большая часть этих поэм и песен была переложена впоследствии на современный литературный язык суахили.

Сказание о Лионго пользуется большой популярностью на всем восточно-африканском побережье. По свидетельству туземцев, Лионго — историческая личность. Его родиной считают город Шака на восточном побережье, севернее дельты реки Тана. По данным исторических хроник, этот город был завоеван в XIV в. султаном царства Пате. Княжеством Шака правил сначала не Лионго — побочный сын от туземной рабыни, а его младший брат. Но Лионго обладал исключительным умом, ловкостью и силой и захватил власть. Свидетельства о правлении Лионго мы находим в исторических хрониках, в частности — в одном из вариантов хроники Пате.

Суахили восхваляют храбрость и мудрость своего соотечественника и делают его народным героем, наделяя в своих сказаниях мифическими чертами. Лионго неуязвим, он может быть убит только уколом медной иглы в пупок. Как повествует сказание, люди, притесняемые Лионго, решили убить его с помощью племянника, пообещав последнему в награду царство. Лионго открывает племяннику тайну своей неуязвимости, и тот убивает его. Но люди обманывают племянника Лионго: они не дают ему царства и убивают его.

Сказание о Лионго представляет большой интерес не только в общелитературном плане; отдельные элементы его, в частности, эпизод с племянником, находятся в полном тождестве с некоторыми обычаями суахили, которые, как и данные языка, свидетельствуют о наличии у суахили в прошлом материнского рода.

Лионго воспевается во многих поэмах и лирических песнях. Их помнят наизусть и поют как народные песни, часто — на свадебных цере-

мониях. О войнах Лионго поется в нескольких машаири, которые называются «Mashairi haya aliporudi Liongo zitani na wasegeju» («Песни эти [о том времени], когда вернулся Лионго с войны с васегеджу»). Эти песни превозносят доблести Лионго и выражают его презрение к врагам:

Я молодой лев, который любит стоять перед лицом смерти,
Так как страх перед позором и пред врагами следует за мной.
Я молодой сокол,— меня не видно, когда я настигаю
Злую птицу, которая подстерегает стадо.

Среди литературы суахили, как указано, значительное место занимают тензи (ед. число — утензи) — эпические поэмы поучительного и религиозного содержания. К первым относится «Utenzi wa Mwana Kupona», впервые опубликованная в 1917 г. Эта поэма хорошо известна вдоль восточно-африканского побережья между Ламу и Момбасой, где она сохранилась в устной передаче и в виде рукописей арабского письма. Эта поэма — первое произведение туземной женщины Восточной Африки, жившей в первой половине XIX в. Муж ее — бвана Матака — известный шейх города Сиу; имя его упоминается в исторических хрониках царства Пате. По содержанию поэма — наставление, которое дает проникнутая мусульманскими религиозными идеями женщина своей дочери. В поэме перечисляются религиозные обязанности женщин, даются советы по управлению домом и прочие наставления, которые следуют за главным содержанием поэмы — советами об обязанностях жены. Религиозные термины, которыми пользуется Мвана Купона, с точки зрения ислама не вполне точны. Интересны встречающиеся в поэме подробности, касающиеся хозяйства суахили.

Среди проникнутой мусульманскими идеями прослойки населения возникло много поэм религиозного содержания. В основном они повествуют о различных эпизодах из жизни пророка Мухаммеда и записаны туземцами арабским письмом.

Тем не менее, нет никаких данных для предположения, что эти поэмы переведены с арабских оригиналов. Напротив, знакомство с ними приводит к заключению, что это свободные переложения известных туземным авторам арабских произведений или собственные поэтические композиции передаваемых в устной традиции легенд. Исключение составляет «Kitabu cha Maulidi» («Книга о рождении пророка»), которая издана с параллельным арабским текстом. Переписчик указывает, что это — перевод с арабского с выдержкой из оригинала в сокращенной форме. Точные сведения о времени сочинения этих поэм отсутствуют. Затруднения в датировке возникают в связи с тем, что переписчики поэм обозначают преимущественно лишь дату переписки оригинала.

Несколько поэм было опубликовано в начале XIX в. Одна из них — «Utenzi wa Ayubu» («Сказание об Иове») записана на диалекте Ламу и состоит из 197 строф. Обозначенное время записи поэмы вряд ли точно; по свидетельству копировщика поэмы, она относится к значительно более раннему периоду. Вступительные строфы начинаются, как обычно во всех поэмах подобного характера, с условного требования подходящих материалов для письма, чтобы изложить на языке суахили рассказ, прочитанный в арабских книгах. За этим следует длинное прославление аллаха, пророка и его приверженцев. Лишь после этого начинается поэма. Она повествует о богатстве и процветании Иова, о его богобоязненности. Затем следуют описания страданий Иова, которые причиняет ему сатана по воле аллаха. В трогательной форме описывается отношение Рехемы, жены Иова, ко всем постигшим их бедствиям, которые она

приемлет с необычайной стойкостью. Поэма кончается полным исцелением Иова, которое послал ему аллах.

«Hadithi ya Mikidadi na Mayasa» («Сказание о Микдаде и Маясе») не только не основано на каком-нибудь оригинале, взятом из арабского языка, но и не может быть связано ни с одним из преданий, принесенных ранними поселенцами из Омана. В арабской поэме о Микдаде и Маясе рассказывается о том, как Микдад после долгих приключений получил в невесты Маясу, дочь Джабира, шейха Бану Кинда. Этот брак был очень желателен корейшитам, стремившимся привлечь на свою сторону Джабира в борьбе против Мухаммеда. Микдад выполняет условие, поставленное Маясой,— победить ее в единоборстве, без чего она не соглашается выйти замуж. Но Джабир предательски схватывает Микдада, а Маясу отдает другому.

На языке суахили имеется несколько связанных с Микдадом романтических легенд, написанных как в поэтической, так и в прозаической форме. Все они ничего общего с арабским оригиналом не имеют. В одной из них Микдад, путешествуя с Мухаммедом, по приказанию последнего рассказывает историю о том, что с ним произошло, когда он ушел от жены в поисках богатства.

Все повествование фактически идет о некоем Абдаллахе, которого Микдаду не удалось победить в битве. Абдаллах помолвлен со своей двоюродной сестрой Салимой, но отец ее не хочет этого брака и отдает ее другому. Абдаллаха, пришедшего за Салимой, обезоруживают и привязывают в наказание к кровати новобрачных. Микдад его выручает. Абдаллах убивает жениха и похищает Салиму. Он убивает всех людей, присланных отцом Салимы, а также ее братьев и брата убитого жениха. Борьба между племянником и дядей, отцом Салимы, кончается смертью обоих. Умирает с горя и Салима. Овладев имуществом Абдаллаха, Микдад возвращается к Маясе.

Очевидно, что история об Абдаллахе имеет много общих черт с судьбой самого Микдада. В поэме, рассказывающей о войне Мухаммеда с Византией (о чем ниже), фигурирует в числе отважных воинов и Микдад, именуемый сыном Кинда. Это свидетельствует о родстве Микдада с отцом Маясы — Джабиром, шейхом Бану Кинда.

Интересно здесь отметить постоянную тенденцию авторов-суахилийцев к самостоятельному творчеству. Название поэмы об арабском герое служит как бы рамкой к произведению, возникшему уже на африканской почве. Кроме того, поэма и по содержанию имеет много самобытных черт, отражая туземные обычаи, в особенности связанные с брачными празднествами.

Поэма о походе Мухаммеда на Табук, основанная на рукописи XII в., называется «Chuo cha Herkal» («Книга об Ираклии»). Название это, однако, приписано значительно позднее к туземной рукописи рукой европейца и, возможно, не соответствует действительности. Поэма грандиозна по размерам: в ней 1 007 строф. Эта самая большая из существующих на языке суахили поэм. Она повествует о войне Мухаммеда с Византией, в частности — о борьбе с Ираклием, правителем Табука; в основе этой борьбы — религиозные противоречия, а именно — непризнание Ираклием ислама.

Несколько сражений, кончающихся полной победой над Ираклием, очень подробно и образно описаны и богаты своеобразными поэтическими сравнениями.

Краткий обзор основных источников не может исчерпать всех поэм на языке суахили. Много поэм существует на темы, заимствованные из

мусульманской религиозной литературной традиции. К ним можно отнести «Поэму об Иосифе» и ряд других. Много старых рукописей арабского письма еще хранится в отдельных семьях суахили; еще далеко не все опубликовано. К религиозной классике суахилийцев-мусульман может быть отнесена и поэма «Inkishafi» («Откровение»). Она существует в двух вариантах, записанных на разных диалектах. Повидимому, ни тот, ни другой не являются оригиналами; последний значительно древнее этих вариантов, датируемых, примерно, XV в. Об этом свидетельствуют большие различия между обоими экземплярами рукописи и сложность языка поэзии суахили, что является доказательством ее большей давности, по сравнению с прозой.

В названии поэмы — «Откровение» — отразилась ее основная идея — заставить человека помнить о смерти, «открыть» ее людям. Мысль о смерти, о бренности мира, считает автор, никогда не должна покидать человека.

Однако эта поэма не имеет большой популярности. Суахили сами утверждают, что она нравится им красотой стиха и звучания, но в содержание они не вдумываются. Это становится очевидным также после знакомства с лирическими песнями и фольклором суахили: везде много радости жизни, юмора и далеко не религиозной мудрости.

В основе песен суахили лежат ритуальные танцы, сопровождаемые игрой на барабане, называемом на языке суахили нгома. Отсюда и другое значение нгома — танец с песней. Такие песни обычно пелись на устаревшем, мало понятном языке или с употреблением иносказательных выражений, понятных лишь посвященным. Суахили и сейчас исполняют песни с иносказательным текстом, где говорится о семейных и общественных тайнах. Часто отдельные слова и предложения в таких произведениях совершенно ясны, но в целом значение стиха непонятно.

Вот одна из таких песен:

Те, которым делают добро,— их много на свете.
Но они обычно забывают о том, что было.
Разве веки, глаза и зрачки могут быть в ссоре друг с другом?
(Последняя строчка следует далее в виде рефрена после каждой строфы).
Старый корабль не выносит шторма,
Ему нужны паруса и хороший ветер,
Ветер нежный, как тонко промолотая мука.
Госпожа привязала меня платком, и цепи причиняют мне боль.
Госпожа, свари мне риса
С измельченным кокосовым орехом,
Чтобы я мог спуститься в долину, где цветут цветы.
Разве можно продать пароход и довериться лодке?
Когда я шел по дороге,
Я услышал шум. Я обернулся
И увидел прекрасную цесарку. Мне понравилось
Лицо и прекрасное сложение.
К нам пришел корабль с тремя мачтами.
Наверху раздается барабан, внизу слышен гонг.
Я не говорю с тобой, юноша из Тумбату,
Я разговариваю с твоей госпожой, которая благоухает жасмином.

Оказывается, эти стихи слагает суахили своему брату, бывшему в отъезде. Жена последнего оклеветала автора песни, говоря, что он хотел ее соблазнить. Вот действительное значение каждого из стихов:

Люди слишком быстро забывают о сделанном им добре. Они считают, что друзья быстро превращаются во врагов. Но то, что связано узами искренней дружбы, подобно глазам, векам и зрачкам,— не может быть враждебно друг другу.

Сочинитель этих стихов не имеет желания пускаться в приключения, которые выше его сил. Он сравнивает себя со старым кораблем, который не может бороться с ветром и волнами. Узы, связывавшие его с женщиной, были лишь легким платком. Тяжелые цепи принесли бы ему только боль.

То, о чем он говорил с женщиной, было лишь следующее: она должна приготовить ему что-нибудь легкое, чтобы он не остался у нее после еды. Его душа стремится в долину, где цветут цветы. Брат неправ, когда верит жене больше, чем испытанному брату. Он поступает как человек, который предпочел пароход старой лодке.

Сочинитель предпочитает совсем другую женщину: выйдя в долину, он встретил прелестную цесарку.

Как корабль с тремя мачтами, подошла она к нему, сопровождаемая тремя рабынями. Как музыка барабана и гонга, прозвучали украшения женщины и ее обращение к нему. Поэтому ему больше не о чем говорить с глупым мальчишкой-братом. Он обращается с этими стихами к его жене.

Вот одна из лирических песен, воспевающих красоту туземной женщины:

Когда она моргает глазами,
Черное начинает казаться белым,
А еще хуже становится, когда она смотрит с сонным видом.
Как будто хочет задремать.
Нос ее прямой, он шириной в три пальца.
Когда я смотрю на нее, я замечаю, что она не может
Пить воду из скорлупы кокосового ореха.
Ее щеки как отборные гуавы.
Когда она смеется — появляются ямочки, как нежный шелк.
Ее язычок маленький, как флейта, зубы ее красивы.
Это женщина, полная очарования.
Которая подвергает людей опасности.

Подобных мелких машаири на всевозможные темы у суахили очень много; их долго помнят и передают из уст в уста. Их импровизируют и мужчины, и женщины. Часть из них прочно вошла в литературу, часть продолжает оставаться народным достоянием и меняется с течением времени.

Суахили обладают большими способностями к передаче виденного во время путешествий. У них есть описания путешествий внутри страны, а также путешествия с европейцами по Европе. Большая наблюдательность и хорошая память дают им возможность записывать в мельчайших подробностях виденное в чужих странах. «Safari za waswaheli» («Путешествия суахили») дают образцы таких записей. Здесь мы находим описание тяжелых путешествий торговых караванов внутрь страны до захвата немцами Восточной Африки. В этих описаниях встречается много ценных сведений об обычаях отдельных племен (ваконде, вадое, вазарамо и др.). Записи трех туземцев из Дарессалаама дают подробные сведения об обычаях суахили. Здесь рассматриваются правила поведения и воспитания дома и в школе, отношение к учителю, сообщается об обычаях, сопровождающих рождение ребенка, обрезание, свадьбу, развод и похороны. Кроме того, мы узнаем о взаимоотношениях деревенских начальников и о рабстве в конце XIX в. и в более далеком прошлом.

Несмотря на большое влияние ислама на семейную и общественную жизнь суахили и на появление у них ранее неизвестных им обычаев, в ряде случаев новые обычаи переосмысливаются и фигурируют под арабскими названиями.

Различные стороны социальных отношений раскрываются и в фольклорных материалах на языке суахили, интересных разнообразием сю-

жетов. Помимо фольклорных текстов, записанных лишь в конце XIX в. латинизированным письмом, известны материалы по фольклору, записанные арабским письмом. Это сказки, рассказы, всевозможные песни, пословицы и загадки.

Основным содержанием сказок и рассказов является описание семейных взаимоотношений, отношений между богатыми и бедными; часто освещаются и другие стороны общественной жизни. Излюбленным сюжетом являются повествования о несчастных калеках, совершающих великие деяния благодаря уму, храбрости или помощи свыше; рассказывается о могучих султанах и начальниках, смещаемых со своих должностей обыкновенными людьми. Нравоучительные рассказы о наказанной неблагодарности следуют за сказками о чудовищах-людоедах, о победах опытного хитреца над остолопом. В некоторых сказках повествуется о Давиде и Соломоне, Гарун ар Рашиде или известном багдадском поэте Абу Нувáсе.

На первом месте в фольклоре суахили стоят сказки о животных, которые говорят и действуют, как человеческие существа. Сила льва, хитрость шакала, быстрота птицы сравниваются с качествами людей, и коллизии, разрешаемые в этих сказках, ничуть не отличаются от возможных коллизий между людьми. Суахили и здесь ставят вопрос: кто побеждает — сильный с малым умом или слабый с большим умом? И сказка отвечает: «Побеждает не тот, кто силен, а тот, кто умен».

Так, в сказках суахили лев, пантера или гиена — глупые звери, а заяц и черепаха относятся к числу умных, особенно заяц, о котором суахили говорят: «Он хитрый зверь, у него большие глаза, он все время двигает ртом, как будто хочет обо всем высказать свое мнение».

Заяц занимает большое место в фольклоре суахили и фигурирует почти во всех сказках о животных. Он очень напоминает персонажа зулусских сказок — Хлаканьяну, о котором зулу говорят, что хотя он и человек, но очень похож на ласку: мал и хитер, как она. Многие приключения Хлаканьяны идентичны с приключениями, приписываемыми зайцу. Интересно с этой точки зрения отождествление поэта Абу Нувáса, героя многих рассказов, с зайцем в фольклоре суахили. Большинство сказок об Абу Нувасе пришло из Аравии, но о нем имеются и многие другие сказки — те, которые суахили прежде рассказывали о зайце. Суахили часто называют зайца Кибвана Васи (что означает «маленький умный господин»), этимологизируя его с Абу Нувасом. Последний обычно выступает в сказках как хитрец, тем или иным способом обманывающий всех, в том числе и халифа.

Большинство сказок суахили в вариантах встречается и у других народов банту внутренней части Африки, но всегда имеет местный колорит. Самая распространенная сказка, встречающаяся в различных видах у всех народов банту, а также у готтентотов, эве, мандинго,— о том, как звери собрались копать колодец, когда в стране не оказалось воды. Согласились работать все звери, кроме зяйца. Звери, решили не давать ему воды и поочередно дежурили у выкопанного колодца. Сначала караулил лев. Но заяц обманул льва, уверив его, что не нуждается в воде. Лев дал привязать себя к дереву, лишь бы поесть меду, который заяц принес с собой. Звери долго смеялись над обманутым львом. На следующую ночь та же участь постигла гиену. Только умной черепахе удалось поймать зайца. Но и тут заяц убеждает зверей в том, что самая ужасная для него смерть, если его сожгут на солнечном припеке, привязав к верхушке бананового дерева. Однако банановые листья высыхают на солнце, заяц освобождается и убегает, опять обманув всех.

А вот одна из немногочисленных историй о европейцах: «Почему белые люди называются вазунгу [европейцами]?»

В давние времена, когда европейцы стали приходить в Африку, многие из местных жителей их не любили, так что из города, в котором европейцы поселялись, люди уходили. В Занзибаре был один старик. Когда он увидел, что флагов европейцев становится все больше, он решил уйти на материк. Он пошел, пока не пришел в один красивый город и захотел там поселиться. Вечером он услышал колокольчик и спросил: «Что это?» Ему ответили: «Там, в доме европейском, европеец-учитель учит туземцев». Он сказал: «Это то, от чего я отказался еще у себя дома». И он отдохнул немного дней и пошел дальше. И он прибыл в один город, и был приглашен, и поселился. И он спросил об европейцах, и ему ответили: «Нет, здесь их нет». И он обрадовался очень. И он поселился, и начал понемногу торговать, и дела его начали процветать. И вот после шести месяцев сидел он однажды и услышал барабан. Люди сказали: «Это караван!» Мало-помалу они увидели, что входят караваны, и спросили: «Чьи эти караваны?» И им ответили: «Европейца, а сам он идет сзади». Когда европеец прибыл, он позвал начальника города и сказал ему: «Я послан своим правительством поставить здесь флаг, потому что эта страна принадлежит ему». Тот чужеземец понял, что это начало смерти — жить там. И он отправился и пошел до Ньяссы. И когда он пришел туда, он встретил европейских правителей, торговцев, учителей, охотников — они были уже давно там. И он почувствовал большое горе. И он вернулся в Занзибар. Когда он вернулся, он рассказал туземцам свою историю. Но он сказал: «Я еще не сломлен, потому что Африка большая. Сейчас я отправлюсь в Уганду и буду жить там». Его друзья сказали ему: «Отец, в Уганде европейцев еще больше, чем у нас». Тот старик сказал: «Поистине, теперь я вижу, что это не вазунгу, а вазунгукени.[1] Это название вазунгу — только часть [слова]: они нас окружили».

Произведений, связанных с деятельностью европейцев в Африке или отражающих отношение туземцев к европейцам, у суахили нет. Это не удивительно; вся пресса Восточной Африки подвергается тщательной цензуре и находится под контролем религиозных миссий, которые наводняют всю эту огромную область религиозной макулатурой. Миссионеры стремятся отвлечь местное население от политики. «Культура идет в глубь Африки гигантскими шагами, и мы не имеем права их ускорять»,— пишет один из миссионеров, недовольный тем влиянием, которое оказывают на туземцев даже правительственные газеты.

Началом «новой эры» в литературе суахили англичане считают создание в Дарессалааме в 1930 г. межтерриториального языкового комитета. Характерно, что в этот комитет, представляющий Кению, Танганьику, Уганду и Занзибар, не включен ни один туземец.

Как же отразилась работа этого комитета на литературе? В основном авторы книг — европейцы; они выпускают учебники для школ, пишут книги религиозного содержания и переводят английских писателей. Туземная литература очень малочисленна. Она ограничивается несколькими фольклорными сборниками, сочинениями об обычаях отдельных племен, описаниями путешествий.

Многие туземные авторы сотрудничают в газетах, среди которых самая распространенная — правительственный орган англичан в Дарессалааме «Мамбо Лео» («Дела дня»). Выходит эта газета только ра-

[1] Т. е. не европейцы (чужеземцы), а «окружившие». Здесь игра слов.

в месяц — настолько невыгодно ее издавать; по утверждению самих англичан, покупательная способность населения слишком мала.

Какие же вопросы освещаются в газете? Это — краткие сведения о политических событиях и происшествиях в стране, описания обычаев отдельных племен; изредка попадаются статьи туземцев о местных волнениях в связи с тем, что англичане нарушают торговые контракты с земледельцами, или о недовольстве туземцев расистской политикой колонизаторов. Подобные статьи обычно публикуются с целью убедить туземцев в бесполезности и рискованности таких выступлений. Правительство штрафует, сажает в тюрьму и выселяет недовольных, и об этом любезно предупреждает газета. Статьи обычно кончаются призывом не выступать против правительства, так как «цари — наместники бога на земле», и, стало быть, все, что делают англичане в Африке, только полезно туземцам.

Все это обычно пишется туземцами, состоящими на службе у англичан и принадлежащими к зажиточной прослойке населения. Таков один из методов «непрямого управления» в Африке, столь прославляемого англичанами.

Этот краткий обзор основных жанров литературы суахили дает представление о славных литературных традициях народа суахили. Ныне, стесненная колониальным режимом, она отстает даже от литературы соседей — юго-восточных банту (зулу, коса, суто), к которым принадлежит наибольшее количество туземного пролетариата. Юго-восточные банту имеют туземную интеллигенцию. Это помогло им положить начало современной художественной литературе банту и создать много революционных песен.

И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ США

Политика США по отношению к индейцам прошла несколько этапов: с 1778 по 1887 г., с 1887 по 1934 г. и с 1934 по настоящее время.

На первом этапе федеральное правительство было еще слабо, и отдельные штаты обладали значительной самостоятельностью. Они вынуждены были считаться с индейскими племенами как с реальной силой. Поэтому племена формально признавались полусамостоятельными народами, правомочными заключать договоры. Комитет по делам индейцев заключил за это время множество договоров на покупку земель индейских племен, так что к концу указанного периода почти все племена, жившие в восточных областях США, лишились земель. Чаще всего договоры эти подписывали подкупленные агентами правительства или штатов вожди племен. Истории известна предательская роль вождя племени нижних криков метиса Роли Макинтоша, распродавшего таким образом земли своего племени. Обезземеленню сопутствовало насильственное переселение на так называемую Индейскую территорию, часто вызывавшее упорное сопротивление индейцев (войны семинолов, чироков, шауниев и др.). Препятствием к капиталистическому «освоению» западных областей США явились довольно большие земельные владения племен, поселенных в резервациях (в 1887 г. площадь земель индейцев составляла 541 тыс. кв. км).[1] Поэтому правительство США постаралось отобрать у индейцев нужные для колонизации земли. Под предлогом «американизации» индейцев, приобщения их к жизни «цивилизованного общества» разрушалась экономическая и политическая основа жизни племен. В 1887 г. был проведен так называемый акт Дауэса. По этому закону земли, принадлежавшие индейским племенам, подлежали разделу в частную собственность. Был установлен максимум земельного надела на одну индейскую семью (54 га). «Излишки» были переданы правительству, которое продавало их белым переселенцам. Племенное самоуправление отменялось, индейцы переходили под «опеку» правительства. Проведение этого закона растянулось надолго. К 1934 г. были распределены земли в 118 резервациях; в результате индейцы потеряли 60% земельных владений, которыми они владели в 1887 г. Простое товарное хозяйство индейцев, не имевших ни денежных средств, ни современных орудий, не могло конкурировать с капиталистическими хозяйствами американских фермеров. Индейцы продавали свои участки белым фермерам или более преуспевшим в «американизации» соплеменникам. Большая часть индейцев осталась без средств к

[1] U. S. Congress. 72. Doc. 214. Survey of Conditions of the Indians of the United States (U. S. Government printing office). Washington. 1933. стр. 34.

существованию. Уполномоченный по делам индейцев в отчете за 1924 г. отмечал, что в результате «американизации» индейцы попадают в самые необеспеченные слои населения США.

Правительство Рузвельта предпринимало шаги к восстановлению племенной земельной собственности, к поощрению племенного самоуправления, к хозяйственному кооперированию племен. В этом духе был принят в 1934 г. закон (Indian Reorganization Act). Но эти меры имели и оборотную сторону: искусственное сохранение племенной организации и некоторых вредных обычаев, изоляцию индейцев от остального населения США. В этом и заключалась основная тенденция закона 1934 г. Практические условия проведения в жизнь закона были различны; неодинакова была и реакция на него со стороны разных племен. Часть их приветствовала закон 1934 г. в надежде получить землю и средства для ее обработки.[2] К концу 1938 г. 82 племени (93 520 чел.) создали племенное самоуправление. Однако вместо отобранных в 1887—1934 гг. более 32 млн. га земли индейцы получили по новому закону всего 810 тыс. га. Действие закона не распространялось на те племена, у которых распределение земли в частную собственность произошло до 1887 г. (племя онейда и др.).[3]

По данным переписи 1940 г., в США насчитывается около 334 тыс. индейцев. Современное расселение племен можно представить следующим образом:

1) Резервации, созданные путем сильного сокращения племенных территорий. К ним относятся на западе США резервации племен навахо и апачей, в восточных штатах — резервации семинолов, сенека и других племен.

2) Резервации, образовавшиеся в результате переселения племен. Большей частью в таких резервациях поселено несколько племен различного происхождения. Примером могут служить резервации в Висконсине и Миннесоте, особенно же в Оклахоме, где живет около 30 племен. При расселении племена разделялись, части их теряли связь друг с другом (чироки — в Северной Каролине и Оклахоме, онейда — в Нью-Йорке и Висконсине, семинолы — в Оклахоме и Флориде).

3) Мелкие селения и отдельные ранчерии в области бывших испанских и мексиканских владений (индейцы пуэбло, индейцы Калифорнии).

Кроме того, некоторое число индейцев живет среди белых в городах и промышленных поселках. За последнее время их число значительно возросло за счет пришедших из резерваций (в особенности в годы войны) для работы на военных заводах, железных дорогах, а также на службу в армии. Часть резервационных земель была секвестрована на военные нужды (400 тыс. акров в Южной Дакоте, часть земель «пяти цивилизованных племен» в Оклахоме, у индейцев пуэбло, навахо и других племен).[4]

Юридически все индейцы с 1924 г.— граждане США. Племена, сохранившие свою общественную организацию, имеют конституции, созданные на демократических началах, самоуправление. На деле и права граждан и самоуправление — фикция. В качестве граждан США индейцы имеют право голоса, но штаты фактически и даже юридически лишают их избирательных прав. В Аризоне, Новой Мексике, Калифорнии,

---

[2] U. S. Congress, 76. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. Survey of Conditions of the Indians ni the United States. Washington, 1940, стр. 21352.

[3] Там же, 21227.

[4] «The American Year Book», 1943, стр. 560.

Айдахо, Висконсине, т. е. там, где индейцы составляют значительную долю населения, они лишены избирательных прав либо потому, что находятся под «опекой» правительства, либо как не платящие данному штату налогов.[5] Там, где сильна метисация, конституции штатов особо определяют принадлежность к индейцам по проценту индейской крови.[6] Племена не могут пользоваться действительным самоуправлением, так как вся жизнь племен находится под контролем чиновников — резервационных агентов, назначаемых Управлением по делам индейцев. В руках этих чиновников сосредоточиваются большие средства на поддержание жизненного уровня индейцев. Средства эти разворовываются непомерно раздутыми штатами чиновников, «обслуживающих» индейцев. Совет племени не может предпринять ни одного серьезного шага самостоятельно; из ведения племенного суда изъяты тяжелые преступления. Законодательная власть совета племени ограничена правом издавать законы только по вопросам частных экономических мероприятий, здравоохранения, морали и воспитания. В совет племени проходят лица, угодные Управлению по делам индейцев, и самый совет является не более чем административным аппаратом Управления.

Индейцы, как и другие «цветные» народы США, подвергаются расовой дискриминации. Это проявляется и в общественной жизни (фактическое лишение избирательных прав, сниженная заработная плата и т. д.), и в быту. Индейских детей в школах вне резервации травят учителя и дети; о настроениях обывателей можно судить по распространенной пренебрежительной и, разумеется, крайне несправедливой поговорке: «ленив, как индеец».

Жизнь основной массы индейцев не обеспечена. Главное занятие самодеятельного населения — земледелие и скотоводство. В настоящее время во владении индейских племен находится всего 22,7 млн. га земли; из них лишь 16,2 млн. га являются действительной собственностью индейцев, остальная же земля, притом наиболее удобная, используется белыми фермерами.

Индейцы не представляют собой экономически однородной массы. Среди них отчетливо выделяется небольшая прослойка буржуазии. Но число зажиточных индейцев крайне незначительно. При обследовании положения более чем 180 тыс. индейцев (1928) выяснилось, что только 2,2% индейских семей получают годовой доход в 500 долл. и выше.[7] Среди чироков и криков Оклахомы имеются зажиточные фермеры, ничем не отличающиеся от других фермеров-кулаков. Симптомы классового расслоения заметны по косвенным данным у индейцев навахо: средний годовой доход этого скотоводческого племени составлял в 1942 г. 4 млн. долл.,[8] средний годовой доход семьи, имеющей скот, — 500 долл. В то же время более $^1/_3$ племени не может прокормиться своим трудом и живет на жалкое пособие,[9] которое правительство вынуждено отпускать, чтобы индейцы не перемерли с голоду. И лишь 1% всего шестидесятитысячного племени владеет стадами в 500 голов и более. Таким образом, зажиточная верхушка, представители племенной власти, кула-

[5] N. D. Houghton. Wards of United States (University of Arizona Bulletin Social Science Bulletin, v. XVI, № 3). Tucson, Arizona, 1945, стр. 5, 18.

[6] Там же.

[7] «Economic Situation of the american Indians» («Monthly Labor Review», 1928, Oct., v. 27, № 4), стр. 43.

[8] A. Leighton. The Navaho Door. Cambridge, Harvard University Press, 1945, стр. 45—46.

[9] «Twentieth century Indians today». Ed. by Macgregor. New York. Putnam's series, 1941, стр. 45.

ки, служащие составляют, конечно, ничтожное меньшинство по сравнению с массой совершенно необеспеченного населения, подавляющая часть которого бедствует. При обследовании положения индейско-мексиканского населения дер. Тортугас (Новая Мексика) обнаружилось, что из 30 семей только одна семья владеет фермой, остальные же — это семьи батраков.[10] Мелкие фермеры из племени крик (Оклахома) возделывают свои жалкие участки орудиями, которыми пользовались еще до переселения на запад.[11] Индейцы Калифорнии переходят целыми семьями с фермы на ферму, нанимаясь на сезонные работы по сбору фруктов и овощей. Потом всю зиму они должны жить на заработанные летом деньги, подкрепляя свой бюджет нищенством. Не лучше живется индейцам навахо, апачам, сиу, батрачащим на крупных скотоводческих фермах или разводящим овец для продажи шерсти скупщикам. Скупщики — сущее бедствие для индейцев. Целые деревни индейцев пуэбло всецело зависят от таких дельцов, получающих от правительства монополию на право обмена с индейцами.[12] Исключением является племя осэдж. На территории его резервации были обнаружены нефтеносные участки. Выгодная продажа их белым предпринимателям дала возможность племенной верхушке получать огромные барыши. По обследованию 1928 г., доходы отдельных семей племени осэдж поднимаются до 20 тыс. долл. в год и более. Характерно, что именно к этому племени принадлежал едва ли не единственный представитель индейцев среди высшего командного состава американской армии — генерал-майор Кларенс Тайппер, командовавший военно-воздушными силами на Наваях в годы второй мировой войны. Некоторым подспорьем служат для индейцев их древние ремесла, продукты которых в основном рассчитаны на рынок. Женщины навахо ткут одеяла, в деревнях пуэбло женщины лепят сосуды из глины, женщины папаго и пима шьют игрушечные мокассины, украшенные бусами. Славятся серебряные украшения, сделанные искусными руками ремесленников навахо. В годы войны скучавшие по европейским курортам туристы охотно покупали изделия индейского ремесла.

Реформа 1934 г. не разрешила «индейской проблемы». Как уже говорилось, индейцы получили всего 810 тыс. га земли, а скота — только 123 тыс. голов; но все это попало не действительно нуждающимся, а кулацким кооперативным объединениям. И по сию пору для резерваций характерна такая безрадостная картина: с утра перед домом агентства собираются индейцы с мешочками и сумками, терпеливо ожидая раздачи скудного продовольственного пособия. Даже работа в лагерях по оздоровлению почв, напоминающих по характеру своей организации (военная муштра, тяжелый труд и пр.) гитлеровские «трудовые» лагери, кажется индейцам благом только потому, что там кое-чем кормят.

В новейших книгах, описывающих жизнь индейцев, сообщается, что 54 729 индейских семей живет в постоянных жилищах.[13] Это — жалкие лачуги из досок, старых автомобильных кузовов и прочего материала, которым пользуются бедняки Америки. Жилища индейцев

[10] N. D. Houghton. Указ. раб., стр. 14.

[11] Loomis a. Leonard. Standards of living in an Indian-Mexican village and an Reclamation Act (U. S. Department of Agriculture. Social Research Reports, N XIV). Washington, 1938, стр. 7.

[12] S. D. Aberle. The Pueblo Indians of the New Mexico («American Anthropologist», v. 50, N 4, p. 2, 1948), стр. 19.

[13] «Twentieth century Indians today». Ed. by Macgregor. New York. Putnam's series, 1941, стр. 29.

пуэбло — глинобитные, чаще всего однокомнатные дома без водопровода, электрического освещения и прочих удобств. Индейцы сиу круглый год живут в брезентовых палатках. У племен навахо сохранился древний вид жилища — хоган, несколько видоизмененный (менее скошенные и более высокие стены), но живут в нем так же бедно, как в хогане старого типа. В Оклахоме индейцы кикапу живут по сию пору в вигвамах не менее жалкого вида, чем дощатые лачуги индейцев Калифорнии.

При таких экономических и жилищных условиях не удивительны ни большой процент детской смертности (97 : 1000), ни обилие болезней, свирепствующих в резервациях. Когда-то ученые причисляли индейцев к наиболее здоровым народам мира. Индейцы не знали многих болезней, завезенных к ним впоследствии европейцами. Эти болезни — оспа, корь, туберкулез — стали причиной вымирания целых селений. И сейчас смертность от туберкулеза среди индейцев в 3—4 раза выше, чем среди белых.[14] 30% индейцев навахо заражены трахомой. Венерические болезни в основном распространены среди индейцев, живущих близ городов. Широко распространены болезни, вызываемые постоянным недоеданием (особенно пеллагра — болезнь бедняков). Медицинская помощь, которую начали более или менее регулярно оказывать индейцам лишь с 1924 г., недостаточна. Имеющиеся 68 госпиталей не могут обслужить всех больных. За военные годы четыре госпиталя были закрыты, медицинский персонал в остальных сильно сократился. В северо-западном районе США и Аляски имеется для индейцев всего один госпиталь.[15] Политика «поощрения самоуправления племен» и «возрождения племенных порядков» выражается на деле, между прочим, в том, что шаманам и знахарям не возбраняется «лечить», т. е. губить больных.

В 1939 г. деятели Йэльского университета созвали конференцию, посвященную положению индейцев. На конференции высказывалось мнение, что дело может быть спасено всесторонним образованием индейской молодежи. Общественные и благотворительные комитеты предлагали всем американцам и учреждениям, имеющим дело с индейцами, проводить разъяснительную работу среди белого населения с целью достигнуть «понимания» между ними и индейцами; последним же рекомендовалось стремиться к образованию как к единственному пути приобщения к американской цивилизации. На самом же деле народное образование среди индейцев поставлено очень плохо. По официальным данным за 1947 г., 120 тыс. индейских детей не посещали школы.[16] В племени навахо такие дети составляют 40%. Зачастую дети не ходят в школу из-за того, что не имеют одежды. Обучением индейцев ведает Управление по делам индейцев. Индейские дети обучаются главным образом в особых школах при агентствах и в миссионерских школах; в школы штатов попадают лишь немногие.

Управление по делам индейцев заключает с церковными организациями контракты на обучение определенного числа детей. Наиболее распространены и наиболее дорого обходятся правительству школы католических миссионеров (зато «воспитание» покорности белым поставлено в этих школах так, что власти на них не скупятся).

[14] «The North American Indian today» (University of Toronto — Yale. University Seminar-Conference. Toronto, Sept. 4—10, 1939). Ed. by C. T. Loram a. T. F. McIlwraith. Toronto, 1943, стр. 227.

[15] «The American Year Book», 1948, стр. 602

[16] Там же, стр. 601.

Всего в 1939 г. было при миссиях 17 школ, а в них 1741 учащийся.[17] Школы всех родов разделяются на школы-интернаты и школы ежедневного посещения. Школы-интернаты особенно были распространены в годы политики усиленной «американизации» индейцев. Такие школы должны были совершенно изолировать детей от их племен, привить им знания и навыки, угодные американским колонизаторам. Школы-интернаты часто располагались далеко от резерваций; в них привозили детей из разных племен, говорящих на разных языках. Получив образование, молодежь возвращалась в резервации, но не находила там применения. С 1929 г. число школ-интернатов сокращается, вводятся школы ежедневного посещения; задача их — прививать преимущественно практические знания, которыми «просветители» и стараются ограничиться. Даже преподавание английского языка признается необязательным (по данным 1939 г., 50 тыс. индейцев не знали ни английского языка, ни испанского; 90% индейцев навахо не говорят по-английски и не понимают английского языка).[18] В небольших школах, где племенной состав учеников не так пестр, вводится преподавание какого-нибудь племенного языка в ущерб английскому. Сами индейцы протестуют против такой системы обучения. В 1937 г. делегаты племени навахо заявили правительственной комиссии в Вашингтоне о желании навахо получать всестороннее образование.[19] Чрезмерно раздутый обслуживающий персонал школ и агентств съедает большую часть средств племен. Одним из демагогических приемов Управления по делам индейцев служит принятие индейской интеллигенции на работу в правительственные учреждения Вашингтона (такие случаи всегда рекламируются буржуазной печатью) и в агентства при резервациях, чтобы легче было делать вид, будто индейцы сами занимаются своими делами.

Церкви различных толков усиленно обращают индейцев в христианство и следят за их духовной жизнью. Особенно этим отличаются католические попы. В резервациях работает 30 католических миссий; 1/3 индейского населения США и Аляски — католики.[20] 408 католических церквей, интернаты и ежедневные школы при миссиях обрабатывают индейские массы, стремясь воспитать их в духе смирения. Все эти усилия встречают упорное пассивное сопротивление индейцев. Сенатор Кинг в речи к конгрессу (1933) отметил, что индейцы неохотно пускают детей в школы при миссиях.[21] Сопротивление поповщине выражается и в своеобразной форме привнесения в церковные обряды элементов древних верований и в тайном совершении языческих обрядов. Католические попы ополчаются на «языческие» пляски, но индейцы пуэбло (дер. Тортугас, штат Новая Мексика) в день рождества после церковной службы уходят подальше от церкви и устраивают пляски при свете костров. При этом разыгрываются пантомимы из жизни Христа.[22] Так, в чуждые им

[17] L. E. Blauch. Educational Service for Indians (Advisory Committee on Education. № 18. Government print. off.). Washington, 1939, стр. 66.

[18] «Twentieth century Indians today». Ed. by Macgregor. New York. Putnam's series, 1941, стр. 107.

[19] U. S. Congress, 76. Hearing before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. Survey of Conditions of the Indians of the United States (U. S. Government print. off.). Washington, 1940, 21094.

[20] «The North American Indians today» (University of Toronto — Yale. University Seminar-Conference. Toronto, Sept. 4—10, 1939). Ed. by C. T. Loram a. T. F. McIlwraith. Toronto, 1943, стр. 87.

[21] U. S. Congress, 72. Doc. 214. Conditions of the Indians in the United States (U. S. Government print. off.). Washington, 1933.

[22] Loomis a. Leonard. Указ. раб., стр. 19.

обряды индейцы привносят прелесть народного искусства. В последнее время индейцам разрешено придерживаться древних верований, не возбраняется и шаманская «практика». Многие племена возобновили древний обычай общественных плясок. Еще в конце XIX в. возмущение индейцев прерий приняло форму мессианского движения (так называемая «пляска духов»). С подавлением возмущения всякого рода пляски были запрещены. В настоящее время пляски возобновились и имеют довольно своеобразный характер, будучи поставлены на деловую ногу. Так, индейцы племени воронов устраивают ежегодно «пляски солнца», привлекая публику в агентство такого рода плакатами: «4-я ежегодная Пляска Солнца воронов. Хорошее место для лагеря — хорошая вода — хорошее времяпрепровождение. Подлинные туземные обряды... Посмотрите сынов своей родины, которые поклоняются великому творцу, принося себя в жертву, постясь без еды и воды 68 часов, чтобы их молитва была услышана и дала нашим мальчикам смелость и силу выиграть эту великую войну. Вэми, Старый Койот, поручитель». [23]

Политика правительства США по отношению к индейцам это — политика национального угнетения. Даже реформа 1934 г., сулившая лишь половинчатые меры, недостаточные для коренного изменения жизни индейцев к лучшему, не была полностью проведена в жизнь. Сейчас правительство США проводит политику изоляции индейцев от остального населения, возвращает их в резервации, пытается оживить отмирающую племенную организацию и обычаи. Отношение индейцев к такой политике прекрасно выразил делегат племени навахо, посланный протестовать против правительственных мер последних лет. «Мы нашли в этом законе,— заявил он,— не самоуправление, а только сегрегацию моего бедного народа и лишение его прав, гарантированных 14-й поправкой к Конституции». [24]

«Нам не нужно никаких агентств»,— заявляют индейцы в своих обращениях к Конгрессу. [25]

Стремление реакционных кругов Америки разобщить народы и сеять национальную рознь терпит крах. Прогрессивные силы страны объединяются для борьбы с реакцией. Нам неизвестно, какое именно участие в этой борьбе принимают индейцы; их мало, их держат в лагерях-резервациях в невежестве и суевериях. Но, вопреки своему стремлению изолировать индейцев, правящие круги США были вынуждены использовать их на войне. Около 30 тыс. индейцев вместе со всем прогрессивным человечеством защищали мир от фашизма. Это не могло не укрепить политическое сознание в индейцах-ветеранах и в индейцах, работающих бок-о-бок с пролетариатом Америки на производстве.

---

[23] F. Voget. Individual motivation in the diffusion of the Wind River Shoshone Sundance to the Crow Indians («American Anthropologist», 1948).

[24] U. S. Congress, 76. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Indian Affairs. Survey of Conditions of the Indians of the United States. Washington, 1940, стр. 21017.

[25] Там же, стр. 21020.

Н. Г. ЛИПРИНЦИП

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ И НЕГРОВ БРАЗИЛИИ

(По материалам русских экспедиций)

Вскоре после открытия Бразилии Кабралем (1500) начался захват ее португальцами, который длился почти два столетия. К моменту появления первых европейцев побережье было заселено индейцами, главным образом тупи-гуарани. Индейцы были почти полностью уничтожены португальцами, и лишь небольшая часть их укрылась в тогда еще недоступных для европейцев частях страны.

В XVI в. началась иммиграция португальцев в Бразилию. Это были главным образом разорившиеся дворяне и деклассированные элементы, отправлявшиеся в новую колонию в поисках легкой наживы. Однако здесь они не нашли ни золота, ни пряностей. Зато в распоряжении португальцев оказались огромные пространства плодородной, хотя и почти лишенной населения земли. На побережье, в районах нынешних Сан Висенте, Рио де Жанейро, Баии и других городов, были основаны первые португальские поселения, возникли первые плантации сахарного тростника и кофе. В первые же годы стала ощущаться острая потребность в рабочей силе. Начался массовый ввоз негров-рабов из португальских владений в Африке: из Гвинеи, Анголы, Мозамбика, а впоследствии — со всего западного побережья Африки. Португальцы перенесли в колонию феодальные отношения, господствовавшие в метрополии. Вскоре плантации превратились в крупные поместья типа латифундий, управлявшиеся сеньерами и обрабатывавшиеся рабами.

На протяжении трех столетий (XVI—XVIII вв.) ввозить негров-рабов в Бразилию имели право только португальские, испанские и английские компании. После издания в 1850 г. закона о запрещении работорговли она велась тайно. Сколько было ввезено негров почти за четыре столетия, точно установить невозможно, ввиду почти полного отсутствия документов. Корабельные дневники, таможенные записи, данные о покупке и продаже негров, записи рабовладельцев и другие многочисленные документы были уничтожены по декрету от 14 декабря 1890 г.

По данным различных авторов, в Бразилию было ввезено от 4 до 18 млн. рабов. По цензу 1940 г.,— так называемых «чистых» негров в Бразилии было 5 819 111 чел., т. е. 14% всего населения Бразилии (41 565 083 чел.).

Одновременно с развитием крупного землевладения на побережье происходил захват внутренних областей Бразилии, особенно в XVII—XVIII вв. Целью этих так называемых entradas были облавы на индейцев и беглых негров, скрывавшихся в лесах, основание скотоводческих имений и поиски мест, богатых золотом и алмазами.

Первыми захватчиками были паулисты (жители провинции Сан Паулу) — преимущественно мелкие арендаторы, желавшие освободиться

от феодальной зависимости. Вскоре захват принял очень широкие размеры. Так называемые бандейрас, возглавляемые паулистами, состояли из представителей разных слоев пришлого из Европы населения, в том числе — из ремесленников и купцов, а позднее — из «мамелюков», детей от смешанных браков португальцев с индианками, из негров и метисов различного происхождения, из мулатов, кафузо (смешение негров с индейцами) и, наконец, из пардо — метисов всех оттенков кожи.

Экспансия шла преимущественно по р. Сан Франциско («большой путь бразильской цивилизации») — из Сан Паулу, Баии, Пернамбуко. Были открыты и захвачены огромные области нынешних штатов Минас Жераис, Мату Гросу, Санта Катарина, Рио Гранде до Сул и др. На этих местах возникли скотоводческие имения и рудники. Индейцы, изгнанные из родных мест, были обращены в рабство. Развитие скотоводства и добычи золота и алмазов происходило на основе эксплоатации труда рабов — негров и индейцев. Индейцы и, особенно, негры неоднократно восставали. Достаточно упомянуть о селениях беглых негров и о так называемой негрской республике в глуши бразильских лесов.

Правящие круги метрополии эксплоатировали Бразилию, совершенно не считаясь с интересами местного населения. В важнейших отраслях экономики проводилась система строгого ограничения и контроля. Разработка алмазных россыпей составляла монополию государства; $^1/_5$ часть золота, добывавшегося частными лицами, отдавалась ему же. В торговле господствовала протекционистская политика. Зависимость от Португалии особенно сказалась в конце XVIII и в начале XIX в. в связи с осложнением международных отношений в Европе.

Колониальный режим ограничивал экономическое развитие страны. В 1821 г. была провозглашена независимость Бразилии. Педру I (1821 — 1831), сын португальского короля Жоанью VI, стал императором конституционной бразильской монархии. Конституция фактически не соблюдалась. В стране росло недовольство, особенно среди помещиков, купечества и интеллигенции. Заговоры и восстания жестоко подавлялись. Национальная промышленность развивалась чрезвычайно медленно. Ее развитие особенно задерживалось отсутствием наемной рабочей силы и монополией Англии на рынках страны.

Правительство Педру II (1831—1889) было вынуждено пойти на некоторые уступки. Приток иммигрантов из различных стран Европы, начавшийся незадолго до того (в 1813 г.), значительно увеличился. Первоначально это были по преимуществу мелкие арендаторы и сельскохозяйственные рабочие; индустриальные рабочие составляли меньшинство. Для поощрения иммиграции правительство обязалось предоставить колонистам льготы, на деле же значительная часть колонистов оказалась в кабальной зависимости уже хотя бы потому, что арендаторы должны были отдавать две «десятины» государству и помещику.

Так называемое «освобождение негров» началось в 1850 г. После запрещения работорговли покупка и продажа «ebano» («черного дерева» — так называли негров) тайно продолжалась. По «закону о свободном чреве» (1871) негры рождались свободными, но должны были служить у хозяев своих матерей до 21 года.

Рабство в Бразилии было отменено в 1888 г., но это не означало, что рабы стали действительно свободными людьми. Они превратились в пеонов. Система пеонажа (долгового рабства) широко развита в странах Латинской Америки. Пеонами в настоящее время являются преимущественно сельскохозяйственные рабочие — индейцы, негры и метисы.

Изменилась также политика правительства в отношении индейцев. «Indios bravos» (диких индейцев) надо было превратить в «indios mansos» (ручных индейцев). Индейские племена не желали предоставлять свои земли бразильцам, мешали их проникновению в глубь страны и затрудняли, а подчас и делали невозможным продвижение торговых караванов по рекам — почти единственным тогда путям сообщения.

Индейцев Мату Гросу, Минас Жераис и других тогда еще почти не заселенных районов внутренних провинций Бразилии надо было «мирно» привлечь на сторону правительства и не только «приручить» их, но и использовать в качестве гребцов, лоцманов и проводников по почти неисследованным рекам и их берегам. Надо было тем же «мирным» путем привлечь их в маленькие провинциальные города в качестве почти даровой рабочей силы. В частности, особенно важно было обезопасить пути по рекам Арино́с и Журуэна-Тапажос. В то время торговля между провинциями облагалась пошлинами. В 1815 г. на несколько лет была разрешена беспошлинная торговля между провинциями Пара и Мату Гросу.

Такая «мирная» политика в отношении некоторых племен (ботоку́ды, гуатò, гуанà, апиакà) приводила хотя бы на некоторое время к желаемым результатам. Однако далеко не все племена попадались на эту удочку. Шаванты, каяпо и другие, особенно гуайку́ру, продолжали сопротивляться бразильцам. Эти племена в документах и литературе того времени описываются как коварные людоеды. Однако почти никто из авторов не считал нужным сказать, чем была вызвана враждебность индейцев к колонизаторам Бразилии. Тем не менее даже и не очень обильных сведений путешественников XIX в. и более ранних данных достаточно для восстановления истинной картины взаимоотношений индейцев с бразильцами. Так, путешествовавший по Южной Америке в первой половине XIX в. Мартиус, писал: «Прежде законодательство санкционировало постоянную войну против ботокудов как необходимую личную оборону. Эту оборону продолжали поддерживать и тогда, когда правительство после перенесения трона с отчизны рекомендовало более мягкие меры, и ботокуды преследовались с открытой враждой и даже посредством коварного распространения оспенного яда. И в других областях государства, например, в Гояс и Мараньяру, оправдывали набеги на злых и враждебных индейцев и преследование их не на жизнь, а на смерть под тем предлогом, что это ботокуды, с которыми нельзя придти к мирному соглашению». [1]

Несколькими десятилетиями позднее другой путешественник, Чуди, сообщал: «После ввоза гораздо более работоспособных негров индейцы были почти совсем обесценены; при таких экспедициях дело шло не столько о том, чтобы поймать людей, сколько об истреблении возможно большего их числа; чтобы достигнуть этой цели, т. е. истребления индейцев, португальцы применяли самые подлые способы. Одежду людей, умерших от оспы или скарлатины, они клали в лесу с таким намерением, чтобы индейцы присвоили их и вследствие этого возникли бы среди них эпидемии, производящие ужасающие опустошения. Этот дьявольский опыт часто удавался». [2]

Краткое, но очень яркое описание прошлого ботокудов приводит участник второй русской экспедиции в Южную Америку Г. Г. Манизер: «Прошлое ботокудов — мартиролог: о них говорят или как об истреби-

[1] Carl Fr. Phil. Martius. Beiträge zur Ethnographie und Sprachenkunde Amerikas zumal Brasiliens, B. I. Leipzig, 1867, стр. 316.

[2] J. J. Tschudi. Reisen durch Südamerika, B. 1. Leipzig, 1866.

телях, или как об истребляемых. Существуют документы, гласящие, что однажды, например, были представлены по начальству 300 ушей индейцев. Начиная с охот за рабами XVII в. и до последних годов,— все средства борьбы были хороши: индейцев отравляли, заражали нарочно болезнями, издевались над женщинами и детьми, торговали ими (курукас). Во время путешествия принца Вида гарнизоны военных постов на р. Досе еще ходили в особых ватных и кожаных панцырях от стрел. Конечно, дикари платили, когда могли, подобной же монетой, но очень неуверенно и бестолково, ввиду отсутствия организации».[3]

Участники первой русской экспедиции занимались всесторонним изучением Бразилии (1821 — 1829). Руководитель экспедиции, академик Григорий Иванович Лангсдорф, бывший русским генеральным консулом в Бразилии, несомненно, был хорошо осведомлен о внутриполитическом положении страны. Среди рукописей экспедиции, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде, имеется ценнейший материал о положении индейцев и, в особенности, негров.[4] Лангсдорф уделил много времени изучению золотоносных и так называемых алмазных районов. Среди его бумаг имеются очерки провинции Минас Жераис с ее алмазным районом Тежуко и округа Диамантино (провинция Мату Гросу). Но, пожалуй, наибольшую ценность представляют копии официальных документов об экономике отдельных районов страны: многочисленные статистические данные, в том числе о составе населения, об эксплоатации золотоносных рудников и алмазных россыпей, о ценах на алмазы, а также описания «золотой горячки», спекуляции, контрабанды, условий жизни негров. Некоторые из перечисленных записей в настоящее время, после уничтожения документов, относящихся к рабству, являются, возможно, единственными.

В путевых дневниках Лангсдорфа имеются многочисленные наблюдения над нравами рабовладельцев и сведения об условиях труда негров.

«Меня уверяли,— писал Лангсдорф в 1828 г. о Диамантино,— что вначале находили больше алмазов, чем теперь. В последние годы прекратили добычу алмазов, так как считали эти места нездоровыми, а я могу сказать, что их сделали нездоровыми, искусственно отводя русла рек далеко в сторону. Вода собиралась в пруды, образовывались болота, местность заболачивалась. Эта стоячая вода была питьевой для горнорабочих».

«Диамантино — нездоровая местность,— продолжает он. Она состоит из горных хребтов, долин и холмов со стоячими водами и болотами, низким, частым кустарником. Воды источников покрыты опавшими листьями, деревьями, плодами, уснувшими рыбами, крокодилами. Все полно нездоровыми испарениями, туманами. Здесь все болезни, какие только есть. Жажда наживы и недостаток знаний в течение двадцати лет были причиной гибели многих сотен людей... Днями приходится быть то на сильном солнцепеке, то в холодной воде. Люди предоставлены сами себе. Капитан милиции выдает себя за хирурга и приносит больше вреда, чем пользы... Жилище плохо защищено от непогоды, полы земляные, не покрыты досками, сырые. Крыши нет. За последние годы смертность увеличилась. Ручьи часто пересыхают. Хорошей питьевой воды нет. Вода из этих ручьев в Диамантино очень нездоровая... Ни генерал-губернатор, ни епископ не осмелятся сюда явиться. Только

[3] Г. Г. Манизер. Ботокуды (боруны) по личным наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 году.— «Ежегодник Антропологического общества при Петроградском университете», Пг., 1917, стр. 79.

[4] Архив АН СССР, фонд 63, оп. 1, 2.

вынужденные крайней необходимостью они могут отправиться в это нездоровое место. Но, во всяком случае, не в дождливое время года, когда больше всего работают в копях, так как в сухое время нехватает воды [для промывки]».

Чтоб увеличить добычу алмазов и еще полнее использовать труд негров, владельцы копей применяли еще один способ эксплоатации. «Негр,— пишет Лангсдорф,— должен еженедельно давать хозяину 1 квент (1/4 лота) алмазов и затем может делать, что хочет. Хозяин знает, что иногда неделями можно работать впустую».

Описывая образ жизни городского населения, Лангсдорф отмечал также следующее: португальцы и бразильцы, «которые приезжают сюда искать счастья в поисках золота и алмазов... стремятся найти негритянку или мулатку, покупают рабыню, приживают детей. Через несколько лет, составив состояние, уезжают и покидают женщину или же продают ее с детьми приезжим и больше ни о чем не думают. Или же женятся, и часто случается, что в одной семье бывают смешанные дети. Этих детей называют enjeitados — незаконные, и filhados — внебрачные. Бывают случаи, когда богатые купцы живут с рабынями-негритянками. Детей воспитывают с рабами. Часто бывает так: брат — господин, а сестра — раба, или наоборот».

В материалах об индейцах имеются данные о действиях правительственных карательных экспедиций, о голоде, на который были обречены индейцы, выселенные из родных мест, и, наконец, о политике «приручения» индейцев. [5]

Прошло около 100 лет с того времени, когда Лангсдорф наблюдал систему колониального грабежа в Бразилии. В 1914—1915 гг. в Бразилии работала вторая русская экспедиция. Положение туземного населения за это время мало изменилось, а кое в чем и ухудшилось.

Участники второй экспедиции встретились с представителями наиболее первобытных племен — шавантами и ботокудами.

Г. Г. Манизер рассказывает о трагической истории, разыгравшейся почти на его глазах. Индейцы племени шавантов-опайэ — бродячие собиратели и охотники,— случайно очутившись на земле владельца скотоводческой эстансии, приняли пасущийся скот за дичь и стали охотиться на него. «Полное незнание порядков и обычаев «цивилизованного» человечества,— пишет Г. Г. Манизер,— не раз уже дорого обходилось этим дикарям: их безжалостно истребляли, и детей их обращали в рабство за охоту на дикий скот на чужой земле или потраву чужого огорода». [6] Индейцам, жившим в условиях первобытно-общинного строя, было чуждо понятие частной собственности: животное, по их обычаям, принадлежит тому, кто его убил. Правительственные карательные экспедиции и наказание индейцев «за попытки вооруженного грабежа», конечно, не могли внушить индейцам уважения к «священному закону частной собственности». «Преступники», не понимавшие, за что их преследуют, скрывались в дебрях тропического леса. Если они не могли скрыться, их убивали или ловили и наказывали. На этот раз вооруженной погоней было убито несколько шавантов и три женщины захвачены живыми. Шавантами заинтересовался директор Департамента защи-

[5] В этой связи интересен «патент», выданный президентом провинции Мату Гросу вождю одной из групп индейцев апиака. Текст его опубликован мною в журнале «Советская этнография», 1936, № 6, в статье «Живописное путешествие из Порту Филис в Куяба Г. Флорианса».

[6] Г. Г. Манизер. Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг.— «Природа», 1917, май — июнь, стр. 641.

ты индейцев, решив взять их под свое «покровительство». Результаты сказались довольно скоро: шаванты-опайэ больше не существуют. Полностью были уничтожены в начале XX в. и шаванты-оти, которых описывали еще участники первой русской экспедиции.

Ботокуды, которых Манизер имел возможность изучать в течение пяти месяцев 1915 г., также испытали на себе результаты «опеки» департамента защиты индейцев. Факты, сообщаемые Манизером, не нуждаются в комментариях. Приведем несколько выдержек: «В настоящее время, с основанием департамента защиты индейцев, после временного улучшения быта некоторых групп [ботокудов], поселки «цивилизованных» опять предоставляются самим себе и развращающему влиянию полуразбойничьего окрестного населения, а «нецивилизованные» возвращаются на положение пугливых ворон на огородах белых и черных... По железной дороге с американской быстротой вырастают новые колонии на месте девственного леса. В последние десятки лет местность изменилась больше чем за столетия, протекшие со времени появления в ней первых золотоискателей или беглых каторжников. Какао обещает докончить вытеснение леса и его обитателей. Так, Рио Мукури, бывшая бесспорной областью индейцев до 50-х годов [XIX в.], теперь сплошной сад плантаций какао». [7]

«Их [ботокудов] можно встретить на самом полотне железной дороги... индейцы этой группы, не решаясь переплывать р. Досе и не умея управлять лодкою, поднимали крики на противоположном берегу, умоляя о пище и жалуясь на голод. Из жалости и страха поселенцы переправляли им еду. Бывало, когда вниз по реке спускалась лодка со свиньями, индейцы заставляли лодочников оставлять им часть своего товара, осыпая их стрелами в случае отказа. В первые времена, с проведением железной дороги (лет десять назад), служащие стреляли наудачу с южного берега на северный, желая запугать воображаемых индейцев, и всячески их задабривали и задаривали при встречах, так как страх всякого необразильца перед индейцем не уступает страху перед ягуаром». [8]

Резко ухудшилась жизнь ботокудов после осуществления так называемого плана концентрации индейцев, когда несколько групп их, живших в разных районах штата Минас Жераис, были принудительно переселены на правительственный пост Панкас. Ботокуды не охотились в панкасском лесу, не собирали съедобных растений, так как по их представлениям этот лес принадлежал другой группе. «Во время пребывания на посту,— пишет Манизер,— кренаки [одна из переселенных групп ботокудов] не охотились вовсе, а выменивали стреляную дичь и кончили тем, что бежали ночью, тайком от чиновника, в свои земли». Манизер указывает, что выселение ботокудов из леса в открытые места, «где по ночам холоднее, чем в лесу, и выпадает сильная роса, а днем очень жаркое солнце, оказалось очень нездоровым для индейцев». Взятые под «защиту» департамента ботокуды почти полностью погибли от частых простуд, лихорадки и голода.

Во исполнение закона 1906 г. о правительственной помощи индейцам, в июне 1910 г. правительственным декретом был учрежден уже упомянутый департамент защиты индейцев. Министр земледелия, индустрии и торговли в торжественной обстановке подписал устав департамента. Устав этот чрезвычайно детально разработан. Он предусматривает защиту прав индейцев, улучшение условий их жизни, предоставле-

[7] Г. Г. Манизер. Ботокуды..., стр. 87.
[8] Там же, стр. 88.

ние им земельных участков, земледельческих орудий и даже... музыкальных инструментов, снабжение продовольствием, организацию начальных школ и т. д. Однако деятельность департамента ничего общего не имеет с официальным регламентом этого учреждения.

Система резерваций, практикуемая в Южной Америке,— как и в Африке, Австралии, Северной Америке,— является одним из способов уничтожения туземного населения.

Индейцы Бразилии уничтожались различными способами более чем четыреста лет. Массовое уничтожение их в период захвата португальцами Атлантического побережья, охота за рабами в следующие десятилетия, непосильный труд на земледельческих плантациях и в скотоводческих фермах в качестве рабов, а затем пеонов и, наконец, принудительное поселение в резервациях — привели к уничтожению огромного числа индейцев. Почти полностью уничтожены тупи-гуарани побережья и десятки племен во внутренних областях материковой части страны.

Но еще и сейчас численность индейцев Бразилии, как, впрочем, и других республик Латинской Америки, значительна. Она гораздо больше, чем указывается в литературе и в официальных данных. Не случаен тот факт, что в опубликованных итогах переписи населения Бразилии 1940 г. отсутствуют данные о национальном составе; ведь индейская часть населения Латинской Америки — это не только первобытные собиратели и охотники или мотыжные земледельцы. Это также часть латиноамериканского пролетариата, это малоземельные крестьяне Мексики, Перу, Аргентины и других республик, это батраки в крупных эстансиях и асиендах, это официально свободная, а в действительности политически и экономически бесправная и угнетенная часть населения Латинской Америки. Ее передовой отряд борется за свои права, несмотря на жестокие репрессии правящих классов против коммунистических партий и революционных профсоюзов.

В течение последних лет, особенно в годы второй мировой войны, в странах Латинской Америки значительно повысился интерес к изучению местной истории и проблем этногенеза индейцев, негров и смешанного населения. В американистике с каждым годом появляется все больше трудов ученых Мексики, Бразилии, Аргентины, Перу и других республик. Об этом свидетельствует организация конгрессов, научно-исследовательских институтов и научных обществ, а также издание научных работ. Особенный интерес к изучению Латинской Америки за последние годы проявляется в США в связи с усилением их экспансии. Это изучение проводится под лицемерным лозунгом международного сотрудничества ученых.

Примером такого «сотрудничества» может служить многотомный справочник по индейцам Южной Америки, в котором приняло участие более 100 ученых США и Латинской Америки. В предисловии читаем: «Несмотря на трудности, вызванные войной, их энтузиазм дал свои плоды... Трудно найти большее доказательство преданности... в деле международного взаимопонимания... Все статьи написаны американскими учеными, и поэтому работа поистине панамериканская. Проснувшийся интерес к этим проблемам обещает новую эру. Успех может быть обеспечен лишь кооперацией ученых, посвятивших свои труды основным проблемам населения Америки... Развитие духа интернационализма в Западном полушарии вызвало повышенное сознание важности туземных цивилизаций Америки среди миллионов нашего населения».[9]

[9] «Handbook of South American Indians. Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology». Bulletin 143, t. I. Washington, 1946, Introduction, стр. 1, 2, 5.

О важности, которая придается этому изданию, можно судить хотя бы по тому, что его программа была утверждена конгрессом США по представлению государственного департамента. В том же предисловии говорится, что «статьи показывают перемены, произошедшие после контакта» (контактом называются захват материка, уничтожение индейцев и рабство). Но тщетно было бы искать в этих статьях материал по этому «контакту». Например, в главах об индейцах области Чако нет ни одной фразы о борьбе Англии и США за нефтеносные земли, о развитии крупных скотоводческих имений, о принудительном выселении индейцев и о многочисленных индейских восстаниях.

Симптоматично также создание Международного института афро-американских исследований и афро-бразильских конгрессов. Надо полагать, что не последнюю роль в повышении интереса к афро-американским исследованиям сыграла отнюдь не «чистая» наука, а стратегическое значение северо-восточной части побережья Бразилии и побережья французской западной Африки (африканский порт Дакар находится почти в 3750 км от Натала в Бразилии).

В современной латино-американской литературе большое место занимает также вопрос о расовой и национальной дискриминации и о значении иммиграции из стран Европы. Настойчиво повторяется, что в Бразилии нет дискриминации наций и классовой борьбы. Даже португальцы, «прославившиеся» уничтожением десятков индейских племен и введением рабства в Бразилии, оказывается, «боролись за принципы, очень сходные с теми, которые провозглашены международным крестовым походом против нацистско-фашистского расизма». Извращая картину социального и расового состава населения Бразилии, защитники этой точки зрения пытаются доказать, что в Бразилии нет классов, не было и нет расовых предрассудков.

Даже в районах добычи каучука все якобы обстоит благополучно. Там, оказывается, «нет кастового деления... нет большой разницы в экономических классах. Все добывают каучук. Разбогатевшие это — посредники между городами, производящими торговлю, и рабочими».[10] Таким «посредником», надо полагать, являлся и Форд, из-за которого в дебрях тропических лесов погибли тысячи рабочих, потерявших заработок, когда — в последние годы второй мировой войны — миновала надобность в бразильском каучуке.

Реакционная, антинародная политика бразильского правительства и империалистическая агрессия США вызвали рост сопротивления в народных массах. С каждым годом увеличивается число восстаний обезземеленных индейцев. Передовая часть индейского и негрского населения примкнула к национально-освободительному движению, возглавляемому коммунистической партией и Конфедерацией трудящихся Бразилии.

---

[10] Arthur Ramos. Las poblaciones del Brasil. Colección Tierra Firme. Fond. de cultura economica. Mexico, 1944, стр. 33.

А. И. ПЕРШИЦ

РОДОПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОЙ АРАВИИ В XIX—XX ВВ.[1]

В наше время, когда арабский Восток играет значительную роль на международно-политической арене, а национально-освободительное и антиимпериалистическое движение растет и ширится — историко-этнографическое изучение Аравии становится особенно интересным и актуальным. Бесспорный интерес представляет, в частности, проблема родоплеменной организации североарабских кочевников,— организации, которая и поныне накладывает свой отпечаток на племенной быт.

Как известно, население Северной Аравии в своем историческом развитии уже к VII в. достигло стадии классового общества и создало одно из крупнейших мировых государств. Рабовладельческий строй сменился здесь четко выраженным феодальным, а последний, в свою очередь, сложным образом переплелся с капиталистическими отношениями, появление которых было ускорено империалистической колонизацией. Сказанное в полной мере относится к оседлому населению Северной Аравии и, в значительной степени, к кочевым племенам, общественный строй которых во многом своеобразен.

Все кочевые племена Северной Аравии могут быть разделены в хозяйственном отношении на две основные группы: кочевых бедуинов — верблюдоводов и полуоседлых — овцеводов. Бедуины (их тип хозяйства сохранялся в чистом виде еще в первой четверти XX в.) разводят исключительно или преимущественно верблюдов, что позволяет им совершать огромные перекочевки и проводить 10 месяцев в году в засушливых областях внутренней Аравии. Принадлежащие бедуинам участки плодородной земли отдаются в аренду вольноотпущенникам-неграм или феллахам. Второстепенную, но не маловажную роль играют другие источники бедуинских доходов: обслуживание караванных путей и регулярная дань более слабых полуоседлых племен и оседлых общин. Хозяйство полукочевников характеризуется совмещением кочевого овцеводства (реже — козоводства) с более или менее интенсивным земледелием. Обычно различают две группы полукочевников: швайа и райе. У швайа земледелие имеет подсобный характер. У них много скота (50 и более голов в хозяйстве), основным вьючным животным служит верблюд. Перекочевывают они в пределах до нескольких сот километров. Для райе характерны преобладание земледелия над скотоводством, максимальное использование посевной площади, разнообразие культур, небольшое количество скота (до 10 голов на хозяйство), исполь-

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 13 апреля 1948 г. Отчет о защите см. «Советская этнография», 1948, № 4.

зование осла, а не верблюда в качестве вьючного животного. Раййе кочуют на очень небольшие расстояния и то лишь 2—3 месяца в году. И в хозяйственном, и в общекультурном отношении раййе мало отличаются от оседлых земледельцев Северной Аравии.

Различные типы хозяйства североарабских кочевников находятся в постоянной взаимосвязи. Самым заметным и интенсивным процессом хозяйственного развития является оседание кочевников. Обусловленный чисто экономическим фактором,— упадком скотоводческого хозяйства,— этот процесс сильнее протекает тогда, когда центральное правительство обеспечивает безопасность сопредельных пустыне районов. Процесс оседания всегда постепенен: кочевой верблюдовод-бедуин превращается в кочевого овцевода-швайа; последний начинает заниматься земледелием как подсобной отраслью хозяйства и постепенно превращается в раййе — земледельца по преимуществу. Наряду с основным процессом оседания имеет место обратный процесс — номадизация оседлых и полуоседлых арабов. В борьбе этих двух тенденций всегда побеждала оседлость, но до самого последнего времени она побеждала медленно, постепенно, с регрессами. Коренным образом дело изменилось в 20-х годах нашего века, когда в Северной Аравии разразился острый и устойчивый кризис кочевого скотоводства. Замена тысячелетнего вьючного транспорта распространившимся на всем Ближнем Востоке автомобильным и железнодорожным сообщением и общее падение цен на продукты животноводства в условиях мирового сельскохозяйственного кризиса вызвали массовый переход кочевников к полуоседлому и оседлому земледелию.

В тесной связи с хозяйственной жизнью североарабских кочевников находится их родоплеменная организация и, в первую очередь, родоплеменная структура. Пользуясь заметками путешественников и исследователей XIX и XX вв., мы попытались установить нормальную структуру кочевых племен Северной Аравии. Для бедуинов и для значительной части крупных полуоседлых племен характерны:

1) Малая семья-палатка, насчитывающая в среднем 5—7 человек и владеющая собственным стадом.

2) Пережиточная большесемейная группа, включающая отца и его отделившихся сыновей; обычно это 3—4 палатки, совместно кочующие в некотором отдалении от сородичей и совместно разбивающие лагерь при кучечном расположении.

3) Патронимия — небольшая внутриродовая группа, единство которой отчетливо проявляется в обычае кровной мести и выплате композиций, в практике пониженных выкупов при заключении эндогамных браков, в порядке землепользования (у полуномадов), в форме лагерного расположения, в наличии общего руководства и, наконец, в свежем воспоминании о едином предке-эпониме группы.

4) Род — наиболее широкая родственная группа североарабских кочевников. Сородичи объединены коллективным владением колодцами и, часто, землей, совместным кочеванием весной, взаимопомощью, наличием руководителя-шейха, родового имени, родового культа, родовой тамги, родового клича и (у полуномадов) родового кладбища.

5) Подплемя — группировка родов по политическому (в этом случае подплемя всегда возглавляется шейхом) или генеалогическому принципу; число подплемен в племени, как правило, четное: обычно два реже — четыре.

6) Племя — самостоятельное объединение родов, сохранявшее вплоть до начала 30-х годов нашего века реальную автономию. Существенным моментом общеплеменного единства является коллективное владение

всей пастбищной землей в границах племенной территории. Столь же существенно наличие традиционных племенных магистратур: старейшины — шейха, военачальника — акида и судьи — арефы, которые, наряду с родовыми шейхами, составляют совет старейшин племени. Помимо указанных моментов и строгой племенной эндогамии, североарабское племя объединено общей генеалогией, культом племенных предков, наличием общеплеменной тамги, военного клича и — недавно еще — племенного военного знамени.

7) Конфедерация — группа племен, родственных по происхождению или объединившихся искусственно. Конфедерации характеризуются совместным пользованием пастбищами, общим диалектом и традицией политического единства, что иногда выражается в наличии единого главы — шейха шейхов. Отношения между членами одной конфедерации в ряде случаев приравниваются к отношениям между соплеменниками: такова семикратная композиция за убийство члена «братского племени». Последовательная дуальность в структуре североарабских конфедераций позволяет предположить, что последние образовались в результате сегментации древних племен; ряд исторических примеров показывает встречный процесс возникновения конфедераций путем простого объединения.

Во многом отлична от вышеизложенной структура большинства полуоседлых племен, сконцентрированных на окраинах земледельческих областей Ирака, Сирии, Трансиордании и Палестины. Обычно эти племена очень малы, многие насчитывают всего от 10 до 50 палаток. Наиболее обычным термином для обозначения полуоседлого племени служит «ашира» (род) или даже «хамула» (патронимия). Для более крупных полуоседлых племен характерно отсутствие общеплеменных генеалогий и тамг, вариации в обычаях и т. п. Все эти особенности полуномадов можно объяснить только неравномерностью хозяйственного развития кочевых племен Северной Аравии. Упадок верблюдоводства периодически вырывает из бедуинских племен отдельные родовые группы, которые переходят к полуоседлому овцеводству на окраинах земледельческих областей. Часть таких группок образует самостоятельные роды и патронимии, именуемые по причине своей автономности племенами, другая часть включается в племена полуномадов. В этом же направлении действует процесс ослабления власти племенных шейхов и постепенного распада племенной организации в районах полуоседлого овцеводства, так или иначе контролируемых на протяжении многих веков центральным правительством. В периоды усилений государственной власти часть племен распадалась на автономные роды, в следующие же периоды анархии многие роды объединялись в племена, чтобы хоть в некоторой степени противостоять бедуинским набегам. Неизбежная при этом перетасовка родового состава способствовала неоднородности племен; обособление части племен вело к их измельчанию. Динамичность родоплеменной организации полуномадов и неоднородность состава большинства полуоседлых племен подтверждается этнографическим материалом и рядом исторических примеров.

Столь же четко следует различать бедуинов и полуномадов при изучении общественных отношений внутри североарабского кочевого племени. У бедуинов племенная верхушка (шейхи, военачальники, судьи) владеет большими стадами скота, получает значительную дань с зависимых племен и селений, пошлину за проход торгово-пилигримских караванов и нередко правительственные дотации. Шейхские рабы и вольноотпущенники-негры обрабатывают значительные участки земли и

составляют надежную гвардию своих хозяев. Обособление шейхской верхушки отражается в нормах обычного права: особенно характерно наследственное замещение племенных магистратур, право не брать композиций, эндогамность шейхской среды, повышенный мехр. И все же вплоть до второй четверти XX в. внутриплеменную дифференциацию у бедуинов нельзя назвать очень резкой. Отсутствует отдача скота на выпас рядовым соплеменникам или отдачи бедняцкого скота в стадо шейха. Отсутствует использование земледельческого труда бедняков-бедуинов в шейхских поместьях. Отчетливо прослеживается древняя демократическая традиция — архаическое разделение шейхской и акидской магистратур, роль совета старейшин, демократическая простота взаимоотношений рядовых соплеменников и шейхской верхушки. Все эти особенности в общественной организации бедуинского племени объясняются, нам кажется, тем, что еще в первой четверти нашего века бедуины многое сохраняли от военно-демократической стадии развития арабского общества. Эксплоатация рабов-негров, ограбление слабых полуоседлых племен, оседлых поселений и торгово-пилигримских караванов направляли острие шейхской эксплоатации не столько внутрь, сколько за пределы племени. Именно поэтому в обособленной среде «настоящих бедуинов» до последнего времени отсутствовали элементы патриархально-феодальных отношений, столь четко выступающие у полуоседлых племен Северной Аравии.

У полукочевников, сконцентрированных на окраинах земледельческих областей и систематически ограбляемых центральной властью и бедуинами, мы видим совершенно иную картину. Здесь имущественная дифференциация значительно резче, пропасть между шейхами и рядовыми соплеменниками глубже. Широко распространена эксплоатация обедневших полукочевников в шейхских поместьях при одновременной отдаче бедняцкого скота в шейхское стадо. В противоположность бедуинским шейхам шейхи полуоседлых племен взимают налоги с соплеменников. Шейхская аристократия полукочевников окружает себя невиданной в бедуинских лагерях роскошью, обзаводится собственными, надплеменными генеалогиями, взимает двойную композицию за кровь своих родственников. Феодальные отношения в их ранней, патриархальной форме выражены здесь достаточно ясно.

Кочевые племена Северной Аравии находятся в тесной связи с окружающей общественной средой, в первую очередь с рядом центральных правительств Арабского Востока. В истории взаимоотношений племен и правительств следует различать два периода: до первой мировой войны и после нее. Если до первой мировой войны племена еще пользовались известной независимостью в оттоманских вилайетах и в эмиратах внутренней Аравии, то с начала 20-х годов в положении кочевых племен наступает резкий перелом. На смену слабой, подчас номинальной власти оттоманского правительства, появляется искушенная в колониальном управлении мандатная администрация Англии и Франции, а во внутренней Аравии начинает складываться централизованное Саудовское государство. Правительства Сирии, Трансиордании и Ирака, стремящиеся полностью освоить пустыню и превратить весь арабский Восток в военно-стратегический плацдарм империалистической колонизации, проводят политику подавления племенной автономии. Отменяется свобода межплеменных отношений, устанавливается жесткий контроль над внутриплеменной жизнью кочевников, в частности, шейхи объявляются ответственными перед правительством. Ожесточенное сопротивление кочевых племен подавляется карательными экспедициями, в особенно-

сти авиационными налетами, бомбардировкой и пулеметным обстрелом с воздуха. Для того чтобы полностью ослабить и усмирить кочевые племена, в подмандатных областях сильно урезываются пастбищные территории кочевников, в Саудовской Аравии усиленно организуются ваххабитские земледельческие колонии — хиджры. Однако повсюду, кроме Саудовской Аравии, оседанию кочевников мешает недостаток земель, расхищенных арабскими феодалами и англо-французскими империалистами; положение кочевников становится там поистине трагическим. Именно поэтому в 20-х и 30-х годах XX в. кочевники Ирака, Сирии, Трансиордании и Палестины поднимают крупные антиправительственные восстания и принимают живейшее участие в общенародных антиимпериалистических восстаниях трудящихся масс Арабского Востока.

Подводя итог, мы можем отметить, что кочевое население Северной Аравии в XIX в. и еще в первой четверти XX в. сохраняло отчетливую родоплеменную организацию. Особенно хорошо выражена она у верблюдоводческих бедуинских племен внутренней Аравии, сохраняющих сложную родоплеменную структуру, значительные пережитки военно-демократических традиций и не меньшую степень племенной сплоченности и автономности. Для полуномадов, сконцентрированных на границах культурных земледельческих областей, характерны упрощение родоплеменной структуры, заметное развитие патриархально-феодальных отношений и общая тенденция к ослаблению родоплеменных связей и к распаду родоплеменной организации. Описанное положение коренным образом меняется во второй четверти XX в., когда устойчивый кризис кочевого скотоводства вызвал массовый переход кочевников к полуоседлому и оседлому земледелию, а суровая антибедуинская политика правительств Саудовской Аравии, Ирака, Сирии, Трансиордании и Палестины положила начало распаду самых сильных и сплоченных бедуинских племен.

Соответственно меняются общественные отношения внутри кочевого племени. Не только полуоседлый, но и бедуинский шейх превращается в обыкновенного оседлого феодала, захватившего племенные земли и эксплоатирующего нищих соплеменников в своих обширных поместьях или же продающего их рабочую силу иностранным монополиям. «Крупные шейхи имеют огромные земельные владения, где применяют труд сотен своих соплеменников... Шейх получает 27 000 рупий дохода, рядовой соплеменник — 210, а во время депрессии — 80. Один живет в роскоши и излишествах, другой — в бедности. Такое положение дел все более ослабляет связи между племенами и их шейхами»,— писал в 1934 г. министр просвещения Ирака М. Джамали.

Таким образом, со второй четверти XX в. кочевое и полукочевое население Северной Аравии переживает сложный процесс общественно-экономического преобразования. При этом племенная масса, несмотря на некоторые особенности своей материальной и духовной культуры, постепенно сливается с полукрепостным крестьянством, а племенная верхушка — с компрадорско-феодальным слоем арабского общества.

З. А. НИКОЛЬСКАЯ

РОДОВЫЕ ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ У АВАРЦЕВ В XIX ВЕКЕ[1]

Нагорный Дагестан оставался почти совершенно неисследованным до средины XIX в., когда начали появляться первые этнографические заметки о нем, описания путешествий, военных операций и т. д. Эта литература, служившая интересам царских завоевателей Кавказа, содержит в большинстве случаев лишь сведения по географии, статистике и экономике Дагестана. Исторические сведения в них касаются главным образом русско-кавказской войны и борьбы с Шамилем. Общественный строй Дагестана, в частности — у аварцев, почти не привлекал внимания. Немногие указания на пережитки старины случайны. Некоторые замечания авторов тенденциозны; их цель — доказать отсутствие у горцев Дагестана каких бы то ни было начал организации и общественного порядка.

Только в конце XIX в. появилась работа М. М. Ковалевского, положившая начало изучению общественного строя Дагестана. Однако в своем анализе структуры родовой организации в Дагестане автор ограничился лишь изучением «тухумов».

В результате Ковалевский пришел к выводу, что дагестанский «тухум» есть развитой патриархальный род, составляющий единственную основу общественного строя дагестанских горцев. В этом заключении — основная ошибка автора. Ковалевскому не удалось вскрыть сложности родовой организации, наличия в ней подчиненных ячеек — этой важнейшей особенности родовой организации эпохи военной демократии. Большой ошибкой его является также игнорирование неравномерности развития разных районов Дагестана; это привело М. М. Ковалевского к архаизации дагестанского тухума, к перенесению особых черт наиболее архаических обществ на все остальные. Ковалевский не заметил исторического изменения сущности тухумной организации, зарождения в ней классовой структуры, наличия влиятельных богатых сородичей, не заметил качественного изменения «джамаг'атов» и т. д.

Цель настоящей работы — показать особенности поздних форм патриархально-родового строя аварцев, вскрыть основные общественные ячейки времени военной демократии, проследить типичное для того времени преобразование многих родовых институтов. Основным источником для работы послужили полевые материалы, собранные автором в 1944—1946 гг. и дополненные литературными и архивными источниками.

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 8 июня 1948 г. Отчет о защите см. «Советская этнография», 1949, № 1.

Как удалось установить, аварцы в XIX в. не составляли однородной массы по общественному развитию. В северной части их земли издавна существовало Аварское ханство. Остальную, бóльшую, часть территории занимали «вольные общества», находившиеся в общем на стадии военной демократии. Однако в то время как «вольные общества» внутренних районов Аварии характеризовались бóльшей сохранностью родовых форм и патриархальных отношений, «вольные общества» на периферии Аварии, сохранив родовые формы, начали переходить к классовым отношениям. Постепенно изменялись в них все родовые институты: межплеменные столкновения перерастали в захватнические войны, адоптация военнопленных превратилась в рабство, родовая взаимопомощь — в ростовщичество и батрачество, институт старейшин — в эксплоатацию, общенародное собрание — в совет наиболее влиятельных сородичей.

Такая неравномерность общественного развития объяснялась своеобразными экономическими, географическими и историческими условиями.

Аварское общество рассматриваемого времени состояло из соподчиненных ячеек. Основную ячейку составляла малая патриархальная семья — фактический собственник скота, земли и недвижимого имущества. Несколько родственных малых семей, имевших общего предка, составляли следующую, более обширную ячейку — «людей одного дома». В ней насчитывалось 60—80 чел., и она была номинально верховным собственником земли, предоставлявшим последнюю малой семье только во временное пользование. Соблюдался обычай, запрещавший отдавать землю за пределы этой родственной группы.

«Люди одного дома» сообща владели участком пахотной земли, урожай с которого шел на общественные нужды всего коллектива. Этот участок обрабатывался обычно бедными родственниками за вознаграждение. Кроме того, в общественной собственности группы находились мельница, печь для сушки зерна, боевая башня и т. д. Все сельскохозяйственные работы коллектив производил одновременно; при этом практиковались одалживание сельскохозяйственных орудий, взаимопомощь и т. д. Во главе «людей одного дома» стоял старейшина «к'удиял чи» (большой человек), наиболее опытный, знающий адат и удачливый. Уровень развития производительных сил ставил предел естественному росту «людей одного дома»; эти группы делились на дочерние ячейки.

Ряд таких вторичных групп составлял следующую, более обширную ячейку аварского общества — «кьибил» (корень). К середине XIX в. в общественной собственности кьибила сохранялись покосы, примыкавшие к селению, сады, иногда печь для сушки общественного зерна. Все члены кьибила сознавали себя родственниками и носили общее имя, образованное от имени их полулегендарного предка. Во главе кьибила находился «кьайбучев чи» (тлибиля человек), который совместно с к'удиял чи образовывал совет кьибила, в ведении которого находились дела о взаимоотношениях между подразделениями кьибила, а также между ним и другими кьибилами. По основному правилу аварского общества, браки заключались в пределах кьибила; иными словами, кьибил представлял собой эндогамную единицу.

Несколько родственных кьибилов, образовавшихся после разделения первичного, составляли еще более обширную общественную ячейку — «росо» (селение), во главе которой стоял «рост'ал бет'ер» (глава селения). В ведении росо находились самые отдаленные участки покосов, пастбища, леса, источники и некоторые общественные сооружения: арыки, мосты, дороги и т. д. Для решения дел, касавшихся всего селения, собирался либо совет росо, состоящий из к'удиял чи отдельных ячеек,

либо общее собрание граждан данного селения — «джамаг'ат росо».

Наконец, несколько росо, связанных общей генеалогией, составляли племя — «бо» (народ), численность которого колебалась от 5 до 30 тыс. чел. Каждое аварское племя имело свою территорию, свое наименование, языковые и физические особенности. Номинально все земли, реки и горы принадлежали всему бо, фактически же были поделены между росо и его подразделениями. Во главе бо стоял выборный вождь, так называемый «бол бет'ер» (глава народа). Все вопросы о взаимоотношениях бо с другими племенами, вопросы войны и мира, строительства оборонительных сооружений, охраны границ и пастбищ решал общий сход совершеннолетних мужчин, так называемый «джамаг'ат» племени.

Военная организация племени строилась по принципу народного ополчения; во главе ее находился бол бет'ер. Ополчение составлялось из всех совершеннолетних мужчин. Каждое росо составляло военную единицу, возглавлявшуюся рост'ал бет'ером. Такая единица, в свою очередь, делилась по числу более мелких общественных ячеек на отряды.

В XIX в. обострилась межплеменная борьба, главным образом из-за покосов, пастбищ, лесных угодий и т. д. Нередки были объединения племен для совместной борьбы против того или иного племени или народа. Чаще всего союзы племен возникали в борьбе с инородцами или иноверцами. Примерами таких союзов племен могут быть Анкратльский, Анцратльский, Андалялский, Гидатлинский и др. Помимо военных союзов, среди аварцев развились междуплеменные экономические связи, возник межплеменной обмен, межплеменной институт куначества и пр.

С возникновением межплеменных экономических связей и длительных союзов племен был сделан «первый шаг к образованию наций». Однако низкий уровень экономики аварского общества тормозил объединение аварских племен. Вплоть до советского времени довольно стойко сохранялась племенная разобщенность аварцев, нашедшая выражение в местных особенностях материальной культуры, в наличии большого числа наречий в аварском языке и т. д. Советская власть, принесшая в горы социалистическую культуру, способствовала завершению объединения аварского народа.

Отдельные главы настоящей работы посвящены экономической жизни аварцев в XIX в., выявлению у них пережитков языческой религии, матриархата большой семьи, особенностям эндогамии и начинавшимся процессам образования классов.

Г. И. ВАСИЛЬЕВА

ТУРКМЕНСКОЕ ПЛЕМЯ НОХУРЛИ

(Опыт этнографической монографии) [1]

Вопросы этногенеза туркменского народа стали разрабатываться лишь в годы советской власти. До этого в науке сохранялась точка зрения, что туркмены — прямые потомки огузов — появились на территории современной Туркмении лишь в первой половине XI в. Л. В. Ошанин [2] в 1926 г. впервые указал на роль аборигенов в процессе формирования туркменского народа. Позднее в работах С. П. Толстова, [3] А. Ю. Якубовского и недавно умершего Г. И. Карпова выдвинутое Ошаниным положение получило дальнейшее обоснование и развитие. Эта общетеоретическая постановка проблемы этногенеза туркмен дает направление для решения частных его вопросов. Одним из таких вопросов, без которого невозможно окончательное решение проблемы этногенеза всего туркменского народа, является вопрос о происхождении отдельных туркменских племен.

Племя нохурли, как и некоторые другие туркменские племена, не принадлежит к числу так называемых «огузовских» туркмен. Тем интереснее выяснить его этногенез с точки зрения участия в его формировании дотуркменского населения этой территории.

У дореволюционных авторов, писавших о нохурли, были три точки зрения на их происхождение: одни считали нохурли потомками аборигенов, т. е. отуркменившимися иранцами. Этого взгляда придерживались Г. И. Карпов и Н. Н. Иомудский (Караш-хан-оглы). Другие (А. А. Боголюбов, В. И. Иохельсон) называли нохурли и родственные им племена с окончанием на «ли» и «или» тюркским дотуркменским населением оазисов. Третьи стремились доказать семитическое происхождение нохурли. Часть авторов этой группы считала нохурцев потомками арабов, другая часть — потомками древнееврейского населения долины (Н. И. Гродеков, А. А. Семенов).

Перечисленные взгляды антиисторичны и подлежат серьезной критике.

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 21 декабря 1948 г. Отчет о защите см. «Советская этнография», 1949, № 4.

[2] Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен.— «Известия Средазкомстариса», в. 1, 1926; его же. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Ташкент, 1928.

[3] С. П. Толстов. Основные вопросы истории Средней Азии.— «Вестник древней истории, 1932, № 1 (2); А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв.— «Советская этнография», 1947, № 3; Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук) МГУ, 1942.

Племя нохурли складывалось в течение длительного этногонического процесса, включая в себя самые разнообразные элементы. Историко-этнографическое описание материальной культуры, быта, пережитков родового строя нохурцев с привлечением сравнительного материала позволяет сделать выводы об этапах формирования, этническом составе и связях этого племени.

Туркмены-нохурли живут в южной Туркмении и занимают территорию в горах Копет-дага, примыкающую к туркменско-иранской границе. В административном отношении места их расселения входят в Бахарденский и Кара-Калинский районы Ашхабадской обл. Незначительное по численности (около 7 тыс. чел.) племя это занимает 16 аулов, из которых 15 были образованы в конце XIX в., после русского завоевания. Большинство аулов расположено в Сумбарской долине, два — на Нохурском горном плато. Главное и самое крупное селение — аул Нохур (Бахарденский р-н) — расположено в долине того же наименования. Этот аул является древнейшим поселением нохурли, единственным до 80-х годов XIX в.

Язык нохурли туркменский, несколько отличающийся от других туркменских диалектов в лексике и грамматических формах. Он постепенно вытесняется текинским.

Нохурли, подобно другим туркменским племенам, сохранили родовые деления и, в отличие от многих из них, простейшую родовую структуру. Племя делится на две фратрии: собственно нохурли и зертли; в первой — 14, а во второй — 8, иногда — 10 родов. Роды отдела нохурли считаются более древними.

Расположение этого племени на границе двух этнографических миров — иранского и тюркского, своеобразие исторических судеб и ряд черт в культуре нохурли, отсутствующих у других туркменских племен, позволили этим последним в некоторых случаях исключать нохурли из числа туркмен и называть их презрительно «курдами» (т. е. иранцами).

История Нохурской долины тесно связана с историей оазисов, расположенных севернее Копет-дага. Этот район наиболее оживленной политической жизни народов Средней Азии, за который веками боролись между собой иранские шахи и хивинские ханы, был и местом усиленного передвижения самых различных народов и этнических групп. Смена племен и народов на территории, прилегающей к Нохурской долине, несомненно, наложила отпечаток на этногенез нохурского племени. Сами нохурли никогда не считали себя едиными по происхождению.

Этническую связь нохурли с рядом племен, побывавших на территории оазисов, подтверждают предания о происхождении их отдельных родов. Большинство нохурских родов считает себя выходцами из других туркменских племен (имрели, али-эли, эрсари, чоудор и т. д.) или из разных мест Хивы, Ирана и т. д. Тем не менее совершенно несомненно, что ядро нохурли составили аборигены. Четыре нохурских рода — меллик, эрвап, денджик и сыгыр — по легендам считаются наиболее древними насельниками долины. Основатели рода денджик, утверждает легенда, вышли из камня Нохурской долины (Дашы ярып, гелен денжик). Происхождение этих родов подтверждается данными материальной и духовной культуры нохурли.

До русского завоевания нохурли номинально входили в состав иранского государства, фактически же зависимость их сводилась к уплате очень незначительной дани. В то же время нохурли были данниками текинцев и вместе с ними участвовали в аламанах на персидские селения. Когда текинцы начинали слишком притеснять их, нохурцы призыва-

ли на помощь персов и, наоборот, обращались к помощи текинцев, когда притязания персов становились слишком тяжелыми. В этот период нохурли сосредоточивались в одной Нохурской долине, посреди которой высилась крепость, служившая защитой от многочисленных врагов, а по краям, у выходов из долины, были сторожевые башни, откуда караульные сообщали о приближении неприятеля.

Нохурли — оседлые земледельцы. Их долина издавна была местом интенсивного земледелия. Наиболее древними отраслями являются виноградарство и садоводство. У нохурли развито полеводство, которое в настоящее время занимает первое место. В годы советской власти в экономике нохурских аулов большое значение приобрело огородничество, дотоле почти отсутствовавшее там. Нохурская долина невелика, поэтому еще задолго до русского завоевания нохурли начали разрабатывать посевные площади на богаре и в долине р. Сумбар, несмотря на то, что посевам угрожали нападения неприятеля.

Вследствие земельной тесноты скотоводство (особенно разведение мелкого рогатого скота), занимавшее в экономике нохурли довольно большое место, носило подсобный характер, отчасти объясняемый природными условиями. О видной роли скотоводства в жизни нохурли можно судить по летним перекочевкам населения из аула в горы и обратно.

Нохурли не знают ковроткачества, столь распространенного среди других туркменских племен. Шелкоткачество и кошмоваляние не составляют здесь специального ремесла — их знает каждая женщина-нохурли. Шелководство, ранее распространенное во всех нохурских аулах, сохранилось лишь в аулах Сумбарской долины. Как известно, шелководство в Средней Азии существует с древних времен. Наличие этого занятия у нохурцев свидетельствует о длительности их оседлости (шелководство невозможно при кочевом хозяйстве) и подтверждает предания нохурли о древнем автохтонном ядре их племени, сохранившем до наших дней искусство разведения шелковичных червей.

Туркмены полностью сохранили национальную одежду, резко отличающуюся от одежды их соседей — других тюркских и иранских народностей. Одежда многих туркменских племен сохраняет ряд особенностей, которые либо являются результатом взаимозаимствования и связей с соседним современным народом, либо свидетельствуют о сохранении более древних связей и дают ценные указания для решения проблемы этногенеза. Особенно различаются головные уборы различных племен. Анализ нохурской одежды яснее всего доказывает этническое единство нохурцев с другими туркменскими племенами. Все же женская национальная одежда сохранила особые черты. Своеобразный головной убор (чаргы), закрепляющийся лентой с серебряным украшением под подбородком, и особенность покроя женских халатов с сохранением прорезей на плечах (чабыт, елек) имеют аналогии и далеко на севере (на Среднем Поволжье и Южном Урале), и на западе (среди турок-османцев, и даже в Болгарии). С. П. Толстов в ряде статей [4] устанавливает связь группы народов Поволжья с древним Хорезмом, а через него — и с предками нынешних туркмен. Аналогии в области материальной культуры нохурли и турок-османцев уводят нас к XI в., к туркменам-сельджукам, впервые проявившим себя именно на территории южной Туркмении.

[4] S. P. Tolstov. Les principales étapes du developement de la civilisation tuerioukhane.— «Eurasia Septentrionalis Antiqua», V, 1931; его же. Из предистории Руси.— сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, и др.

По типу поселения все нохурские аулы делятся на три группы: аулы, населенные одним родом и не имеющие кварталов (Койне Гумме, Айидере и др.); аулы, населенные несколькими родами, где поселению каждого рода соответствует отдельный квартал (Караул, Каргли и др.); аулы с нарушенным родовым поселением (Нохур, Койне-Касыр, Куруждейн и др.). Все же и в последнем случае родовые кварталы прослеживаются легко. Остатки родовых кварталов в главном и наиболее древнем селении нохурцев — Нохуре — наглядно подтверждают легенду нохурли о древности одних родов сравнительно с другими и о времени их поселения в долине.

Дома и хозяйственные постройки нохурли, сооруженные из камня или сырцового кирпича, повидимому, развились из землянок. Это подтверждается наличием летних полуподземных помещений в садах аула Нохур. Тип построек свидетельствует о том, что их строители — оседлые земледельцы. Некоторые детали архитектурного оформления жилых домов («шах» — рога — украшение верхней части столба на айванах, напоминающее капитель ионического стиля), бытование юрты (гараӳй) в качестве летнего помещения, существование в XIX в. у нохурли кибиточного ремесла — свидетельствуют о том, что часть нохурли,— может быть, отдельные роды — вела кочевую жизнь и, осев в долине, наложила свой отпечаток на материальную культуру всего племени.

Два типа жилых построек нохурли имеют каждый особую линию развития и характеризуют две стадии развития семьи. Первый тип — трехкамерный дом (две комнаты и коридор между ними) — характерен для большой семьи, второй тип — многокамерный дом с изолированными помещениями, имеющими особые выходы, и с очагом на площадке перед каждым из них — обычно населен родственными, но самостоятельными малыми семьями.

Пища нохурли и других туркменских племен варьирует лишь в зависимости от природных условий и вытекающего отсюда разнообразия продуктов питания.

Как известно, раньше туркмены не имели государства; они получили его лишь при советской власти в 1924 г., когда была образована Туркменская ССР. Политическая организация нохурли до русского завоевания отличалась от той, которая была у других туркменских племен. Во главе племени стоял совет старейшин из 12, в некоторых случаях — из 13 представителей отдельных родов. Роды, не имевшие представителей в совете, зависели от более сильных, иногда от родственных им родов. Эта политическая зависимость тесно переплеталась с экономической.

Классическая родовая организация туркмен давно разложилась. О ее существовании в прошлом свидетельствует ряд пережитков. У нохурцев они во многом сохранились гораздо сильнее, чем у более крупных племен; это отчасти объясняется незначительной численностью и территориальной обособленностью племени. Наиболее реальной родовой единицей до настоящего времени была патронимия — группа близких родственников по мужской линии, называемая нохурцами «гарындаш». В каждом роде было несколько «гарындаш». Члены ее были связаны единством происхождения от реального, часто еще живого предка и общностью экономических интересов.

Род — «тире» — у нохурцев, как и у других туркмен, ко времени советской власти превратился в своеобразную форму организации классового общества. Эксплоатация бедных членов рода их богатыми сородичами маскировалась внутриродовыми отношениями и принимала

105 (2)

самый различный характер. Некоторые из таких форм эксплоатации дожили до последнего времени в виде родовой взаимопомощи — ювара (ёвар), летних перекочевок со скотом и т. д.

Наряду с родом сохранялась и развивалась водо-земельная община. В Туркмении, где вода играет огромную роль в жизни населения, одна из функций рода состояла в такой организации общества, которая облегчала бы разработку водной сети и постоянное ее поддержание. Нохурли в этом отношении не составляли исключения. Их род был отдельной единицей в сфере водопользования и первоначальным владельцем земли.

В эпоху русского завоевания зе́мли Нохурской долины находились в частном владении отдельных семей (мюльк), и вода продолжала оставаться собственностью всей общины (санашик), так как поддержание водной сети было возможно лишь коллективными силами всего общества. Неполивные земли на богаре до образования колхозов оставались в санашиковом владении и периодически переделялись между членами общины. В новых аулах в сфере водопользования род выступал как определенная единица. Характер общины осложнялся сохранением рода, с которым она тесно переплеталась. В связи с этим у нохурцев существовало два типа водо-земельной общины: община из одного рода и община из нескольких родов; второй тип — наиболее частое явление в нохурских аулах. В такой общине легко прослеживалось экономическое неравенство родов в водо-земельных отношениях и в организации летних перекочевок со скотом, когда экономически связанные друг с другом роды кочевали вместе. Ко времени русского завоевания скот находился в частном владении отдельных семей, но следы родовой собственности мы находим в сохранении тамги.

Основной хозяйственной ячейкой нохурли является малая семья. В недавнем прошлом такой единицей была большая семья, состоявшая из родственников трех поколений или нескольких братьев с их женами и детьми. Во главе такой семьи стоял старший мужчина; женщины находились в подчинении, которое с возрастом уменьшалось. Патриархальная власть в туркменской семье распространялась и на мужчин. У нохурцев, как и у других туркменских племен, не сохранилось экзогамии, брачные запреты были строго индивидуальными, как и те запреты, которые даны в Коране. Несмотря на исчезновение экзогамии, легко прослеживаются ее следы: до последнего времени сохранились левират и сорорат (даклама), взаимная выдача дочерей за сыновей (гарши) и т. д.

В свадебном цикле нохурли отразилась сложность социального строя земледельческих народов, сохранявшего наряду с высокоразвитым патриархальным строем пережитки матриархата. Их свадебный цикл в общем сохраняет гораздо менее архаических черт по сравнению со свадебным циклом текинцев и иомудов, но некоторые его детали позволяют говорить о присутствии в нем элементов того периода, когда он создавался, т. е. периода, переходного от матриархата к патриархату. Свадебный цикл нохурли, по нашему мнению, складывался еще в условиях матрилокального поселения. Об этом свидетельствуют, например, одевание женского головного убора на невесту в доме ее родителей, отсутствие ее матери на свадьбе в доме жениха, значительная роль женщины в торге о калыме и т. д. В основе свадебный цикл нохурли аналогичен текинскому, иомудскому и другим; это позволяет говорить об этническом единстве и общности развития социального строя туркменских племен.

Наряду с официальной мусульманской религией суннитского толка нохурли сохранили сложный комплекс древних религиозных верований оседлых земледельцев: веру в родовых и племенных богов, тотемистические представления кочевой части населения.

Все сказанное позволяет сделать выводы об этнических элементах, вошедших в состав племени нохурли, а также о времени и этапах его формирования. В процессе образования племени можно выделить три этапа:

1) Ядро племени — аборигены долины, древнее дотюркское население оазисов. Возможно, это — предки тех четырех родов (мелик, эрвап, денджик и сыгыр), которых сами нохурли считают наиболее древними насельниками долины. В тот же период, не позднее VIII в., в долине появились представители рода джагыль-джогуль.

2) Второй этап охватывает время от XI до начала XVIII в.— период наиболее сильного передвижения туркменских племен на территории Туркмении. В это время в Нохуре оседают роды, связывающие себя с туркменами Языровского юрта — имрели, кара-дашли и др. Несмотря на отсутствие огузовских родов в составе нохурского племени, туркмены-огузы, несомненно, принимали участие в его формировании.

3) Третий и последний слой нохурского племени оседал в течение XVIII в. Наибольшей силы этот процесс достиг в конце XVIII в. в результате нового передвижения туркменских племен и занятия Ахальского оазиса текинцами. В этот период в Нохуре появляются роды из племен али-эли и имрели, ушедшие из оазиса под давлением текинцев.

Этногенез нохурли закончился к концу XVIII в. В настоящее время идет процесс сближения культур отдельных туркменских племен. Туркмены, начавшие складываться в нацию лишь в годы советской власти, создают единую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

АВТОРЕФЕРАТЫ ДОКЛАДОВ

И. И. Потехин. Обострение кризиса колониальной системы империализма и задачи советской этнографии 5
С. А. Токарев. Проблемы изучения современного положения народов Австралии и Океании 15
Н. А. Бутинов. Американская этнография на службе империализма США . . 30
Е. В. Таланова. Аграрная политика британского империализма в Буганде . . 39
И. П. Строганова. Литература и фольклор народа суахили 45
И. А. Золотаревская. Современное положение индейцев США 55
Н. Г. Шпринцин. Положение индейцев и негров Бразилии 62

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

А. И. Першиц. Родоплеменная организация и племенной состав кочевников Северной Аравии в XIX — XX вв. 70
З. А. Никольская. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX веке . . . 75
Г. П. Васильева. Туркменское племя нохурли 78

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *И. М. Подгорненская.* Технический редактор *И. И. Карпов*
Корректор *М. Н. Богоявленская*

РИСО АН СССР № 3310 А-13350. Издат. № 2332. Тип. заказ № 2513. Подп. к печ. 10/XII 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 5¼. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 2000.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

616

Эк-1046

Цена 5 руб.